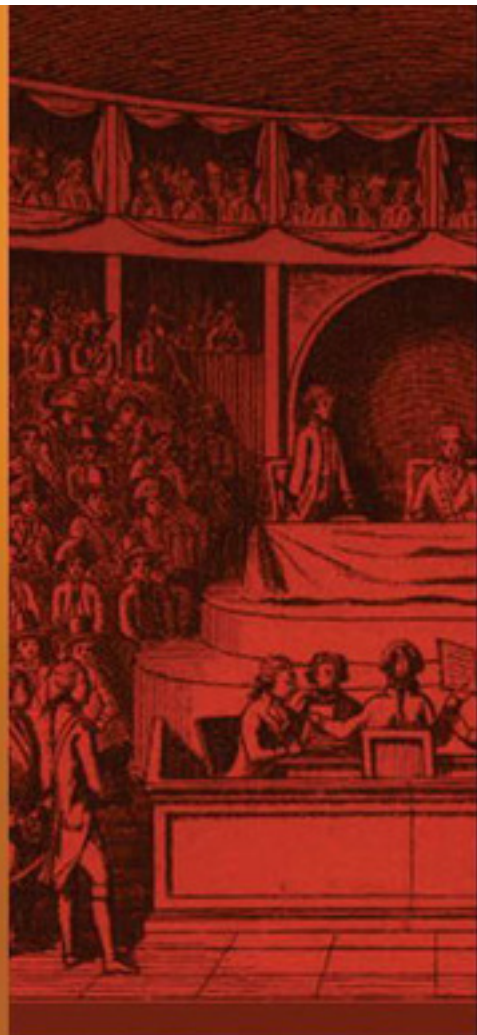

В. Ю. Захаров

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КОНЦА XVIII–I-Й ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. опыт сравнительно-исторического анализа

Часть 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Виталий Захаров

**Российский и зарубежный
конституционализм конца
XVIII – 1-й четверти XIX
вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 2**

«Прометей»

2017

УДК 342
ББК 63.3(0)52

Захаров В. Ю.

Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Опыт сравнительно-исторического анализа. Часть 2 / В. Ю. Захаров — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-13-4

Монография посвящена сравнительному анализу российского и зарубежного конституционализма, а также основных направлений эволюции европейского и российского абсолютизма во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. В первой части монографии даётся характеристика конституционализма как течения общественной мысли, рассматривается его соотношение с идеологией Просвещения, либерализмом и масонством. При этом конституционализм рассматривается как один из вариантов модернизации традиционных абсолютных монархий наряду с «просвещённым абсолютизмом», «просвещённым деспотизмом» и революционным вариантом. В связи с этим проводится сравнительный текстологический анализ конституций революционной Франции и конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации. Во второй части монографии анализируются конституционные тенденции во внутренней и внешней политике России в период правления Екатерины II, Павла I и особенно Александра I, когда возникла реальная возможность реализации концепции конституционализма на самом высшем уровне. В заключение анализируются причины неопубликования российских конституционных проектов в 1-й четверти XIX в. В Приложениях публикуются тексты российских конституционных проектов, а также тексты конституций революционной Франции 1790-х гг. и конституций европейских государств эпохи Реставрации. Многие вопросы рассматриваются впервые в отечественной историографии. Для всех интересующихся отечественной и всеобщей историей Нового времени. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 342
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-906879-13-4

© Захаров В. Ю., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

Глава VI. Конституционные тенденции во внутренней политике России 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв.	7
§ 1. «Просвещённый абсолютизм» Екатерины II и развитие конституционных идей в России во 2-й половине XVIII в.	7
§ 2. «Просвещённый деспотизм» Павла I и конституционные проекты участников антипавловского заговора	22
§ 3. Правительственный конституционализм в 1-й четверти XIX в. в контексте эволюции российского абсолютизма	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Захаров
Российский и зарубежный
конституционализм конца XVIII – 1-й
четверти XIX вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 2

© В. Ю. Захаров, 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

*Посвящается научному руководителю Минаевой Нине
Васильевне*

Глава VI. Конституционные тенденции во внутренней политике России 2- й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв.

§ 1. «Просвещённый абсолютизм» Екатерины II и развитие конституционных идей в России во 2-й половине XVIII в.

«Реформаторская лихорадка», поразившая царствующие дома Европы во 2-ой половине XVIII века, не обошла стороной и Россию. Начиная с правления Екатерины II, идеи Просвещения начинают активно использоваться государственной властью, и открыто пропагандируются на страницах русских журналов.

Однако не стоит думать, будто развитие этих идей началось только при Екатерине II, называвшей себя «покровительницей Просвещения». Россия сама по себе имела уходящие в глубь веков *демократические традиции*. Ещё в XII – XIV веках на всю Европу прославились своими республиканскими традициями Новгород и Псков – торгово-купеческие республики, главным органом управления которых был общегородской сход-вече, хотя на практике всеми делами управлял олигархический орган из наиболее богатых горожан по типу более поздней Голландской республики. После присоединения этих республик к Московскому государству вечевые, выборные традиции вовсе не погибли, а лишь трансформировались вначале в виде органов местного самоуправления – выборных губных старост, а затем и на общегосударственном уровне – в виде Земских соборов, первый из которых состоялся в 1549 году, и их своеобразной «верхней палаты» – Боярской Думы.

Именно с деятельностью Земских Соборов была связана *альтернативная* самодержавной линия в историческом развитии России. Наибольшая активность в деятельности Земских Соборов как органов сословного представительства приходится на Смутное время и последующие 3–4 десятилетия. Однако дальнейшего развития эта линия не получила. И связано это с тем, что царившая во время Смуты политическая и экономическая анархия, принесла столько бед и лишений населению, что обусловила стремление не только восстановленных государственных структур во главе с царем и приказной бюрократией, но и большей части населения к установлению твердой централизованной власти, которая бы не допустила повторения хаоса Смуты и обеспечила бы стабильность и порядок, пусть даже и за счёт ущемления собственных прав народа. В этих условиях государство начинает развиваться в направлении всемерной централизации и усиления деспотических черт в управлении при максимальном ущемлении личностных прав в пользу государства.¹

В связи с этим, реформы Петра I при всей их радикальности явно идут в русле давно наметившейся тенденции в политическом развитии России. Именно при Петре I политическая линия, направленная на развитие полудеспотического самодержавного государства окончательно становится господствующей.²

Таким образом, ограничительные тенденции, своего рода зачатки конституционных идей, присутствовали в России и до XVIII века. Поэтому, стоит считать доказанным, что кон-

---

¹ Подробнее об этих проблемах см.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России сер. XVI в. М., 1960; Кобрин Б. В. Иван Грозный: Избранная Рада или Опричнина // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 127–162.

² Эйдельман Н. Я. Революция сверху. М., 1989.

ституционные идеи не просто были привнесены из Западной Европы, но и имели достаточно глубокие корни и традиции в самой России.

Развитие же самих этих идей, и, прежде всего, аристократического конституционализма западного типа связано с реформами Петра I, резко изменившими весь уклад жизни высшего сословия; привнёсшими в него, порой насильственным путем, идеи западноевропейской цивилизации, в том числе и *аристократический конституционализм*. Последний проявился не сразу. Для этого нужны были благоприятные условия. Их не было при жёстком авторитарном правлении Петра, но после его смерти эти условия появились. Причиной послужил указ о престолонаследии 1722 года, позволявший императору назначать наследника по собственному усмотрению, а не по старшей мужской линии. В результате русский престол оказался политическим орудием в руках всевозможных претендентов на престол: Меншикова, Бирона, Остермана и других, с чрезвычайной лёгкостью свергавших и возводивших на престол новых императоров и императриц.

К тому же реформы Петра привели к ещё одному *глубокому противоречию*. Усиленное насаждение образования и культуры среди дворянства не могло ни привести к осознанию ими своих прав и привилегий, а также невыгодности для них в установившемся соотношении режима льгот и давления «сверху» (бессрочная служба и т. д.)³. Именно в этом видится главная причина дворцовых переворотов XVIII века.

Как известно, Петр I не успел назначить наследника. В этих условиях, когда престол оказался вакантным, сильную новую знать, выдвинувшуюся при Петре I, устраивала его жена Екатерина. Но так как императрица оказалась совершенно не подготовленной к управлению; да к тому же с самого начала была обязана своим воцарением Меншикову, Апраксину и другим выдвинутым Петром, то управлял всеми делами империи – созданный в 1726 году Верховный Тайный Совет во главе с Меншиковым, Толстым, Апраксиным и Ягужинским. В качестве компромисса туда же был включен представитель старой родовой аристократии князь Д. М. Голицын. Фактически самодержавие оказалось ограничено органом, образовавшимся на основе компромисса старой и новой аристократии. Верховному Тайному Совету напрямую подчинялись коллегии и Сенат. Кроме того, после смерти Екатерины I к нему перешли и функции регентства над малолетним Петром II. Поначалу, правда, никаких законодательных попыток ограничения императорской власти не предпринималось. Совет на первых порах представлял собой эдакого коллективного фаворита и в чём-то по форме был схож с традиционной Боярской Думой. Особенно ярко это проявилось после опалы Меншикова в сентябре 1727 г., тогда из вельмож «гнезда Петрова» остался лишь Остерман. Большинство же получили представители старых аристократических фамилий – князя Голицыны и Долгорукие. Однако на этом сходство с Боярской Думой и заканчивалось. «Верховный Тайный Совет» по своей внутренней сущности был органом нового типа, наследием петровских прозападнических реформ в некотором соединении с российской деспотической традицией. И если бояре XVI – XVII вв. и подумать не могли покуситься на всю полноту самодержавной власти, то «верховники» были явно чужды таких условностей, хотя поначалу более, чем на роль императорских фаворитов и родни, они не претендовали. Постепенно они осмелели, видя полную недееспособность своих ставленников на престоле. Весь ход событий 1725–1729 гг. неизбежно и закономерно вёл к попытке законодательным путем утвердить не только де-факто, но и де-юре свое политическое господство, оградив его от возможных притязаний в будущем со стороны не только монарха, но и широких масс простого дворянства.

Таким образом, от простого фаворитизма, от которого, как показала практика, до опалы только шаг, «верховники» закономерно пришли к выводу о *юридическом закреплении своего*

---

³ Подробнее об этой проблеме см.: Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XVIII. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 43–47.

особого положения. И такая возможность представилась в начале января 1730 года, когда неожиданно у мер Петр II и престол вновь, в третий раз за последние 5 лет, оказался свободен. После долгих обсуждений решено было пригласить на престол племянницу Петра I Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую как наименее амбициозную и наименее известную в России претендентку, не имевшую сторонников при русском Дворе. Одновременно *Д. М. Голицын* и *В. Д. Долгорукий* предложили составить особые «пункты» или «кондиции». Главную цель этих «кондиций» хорошо выразил Ягужинский в разговоре с одним из Долгоруких: «Долго ли нам терпеть, что нам головы секут? Теперь время, чтобы самодержавию не быть»⁴.

Итак, что же представляли собой эти «кондиции»?

1. без усмотрения и согласия высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно:

2. не объявлять войны и не заключать мира;

3. никаких не налагать поборов или налогов;

4. никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной тайной канцелярии и ни у единого дворянина не конфисковывать имения без ясного доказательства на учинённое или вышеозначенное преступление;

5. беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание её особы и придворного штата годовым доходом;

6. казенных вотчин никому не дарить;

7. не вступать в брак и не назначать наследника престола.

В случае нарушения этих условий императрица лишалась короны.⁵

Таким образом, «кондиции» резко ограничивали самодержавную власть. Верховный Тайный Совет получал не только контроль над бюджетом и внешней политикой, но и над армией и гвардией, т. е. теми силами, которые в то время были решающим фактором в политической борьбе. По своему содержанию «кондиции» сходны с английской *Magna Charta Libertum*, шведскими «статусами» того времени, но в отличие от них не давали никакого определения прав отдельных сословий. В целом, на наш взгляд, кондиции, можно охарактеризовать, как *первую попытку ввести аристократическую конституцию в России.*

Но замысел этот оказался крайне непопулярен в среде дворянства, многие представители которого съехались в эти дни в Москву на предполагавшуюся свадьбу Петра II. Они увидели в замысле «верховников» олигархическую затею, грозившую заменить власть одного монарха-деспота произволом нескольких временщиков, по-прежнему неподконтрольных дворянскому общественному мнению. Тем временем один из лидеров «верховников» *Д. М. Голицын* решил пойти на компромисс с широкими кругами дворянства. Он предложил создать 3 учреждения, контролирующие деятельность Верховного Тайного Совета: Сенат, Шляхетскую палату и Палату городских представителей, которые должны были охранять права сословий от посягательств со стороны Верховного Тайного Совета. Кроме того, дворянам была обещана полная свобода от обязательной службы и участие в местном самоуправлении.⁶ Это уже был проект введения настоящего сословного представительства.

Но все эти сверхрадикальные для того времени уступки были напрасными. Дворяне не верили «верховникам», да и голицынский проект, разрабатывавшийся в глубокой тайне, был известен лишь узкой группе лиц. Приехавшая Анна Иоанновна, точнее её советники (в первую очередь Э. Бирон) мигом сориентировались в обстановке и отказались соблюдать «кондиции»,

---

⁴ Цит. по: *Корсаков Д. А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17–18. Кроме того: *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань. 1891. *Богословский М. М.* Конституционное движение 1730 г. Петроград. 1918.

⁵ Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII–XIX вв. СПб., 1873. С. 11–16; *Корсаков Д. А.* Указ. соч. С. 17–18. См. также: *А. Б. Плотищев.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы. // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60–68.

⁶ *Анисимов Е. В., Каменский А. Б.* Россия в XVIII – первой пол. XIX вв. М., 1994. С. 90–91.

перетянув на свою сторону гвардию, часть аристократии и дворянства, недовольных единовластием «верховников». 25 февраля 1730 г. Верховный Тайный Совет был распущен и первая попытка ограничения самодержавия по шведскому или английскому образцу завершилась провалом.

С другой стороны, характерно, что, восстанавливая самодержавие, дворянство не отказывалось от участия в управлении. В петиции от 25 февраля 1730 г., т. е. сразу после роспуска Верховного Тайного Совета, оно просило предоставить шляхетству право выбирать баллотированием сенаторов, коллежских президентов и даже губернаторов, а также установить твердую форму правления на будущее время.⁷

Петиция осталась без ответа.

Между царствованиями Анны Иоанновны и Екатерины II аристократические конституционные идеи, поднятые впервые «верховниками», особого развития не получили, хотя следует отметить проекты А. П. Волынского и П. И. Шувалова. Недовольство русского дворянства иностранным засильем при Дворе Анны Иоанновны выразил кабинет-министр А. П. Волынский, вместе с кружком единомышленников-«конфидентов» разработавший «Генеральное Рассуждение о поправлении внутренних государственных дел». «Проект» составлялся совместно с Еропкиным, Хрущевым, Сурой, Соймоновым и Мусиным-Пушкиным. Из материалов допроса следует, что существовало два проекта. Один содержал критику всех государственных порядков, вторым было собственно «Генеральное Рассуждение». Волынский требовал дальнейшего расширения привилегий дворянства, заполнения всех должностей в правительственном аппарате от канцеляриста до сенатора дворянами, причём обязательно русскими; командирования дворянских детей за границу для обучения, чтобы «свои природные министры со временем были». Духовные пастыри от сельских священников до высших чинов в церковной иерархии тоже должны замещаться выходцами из дворянства. Кроме того, по проекту предполагалось преобразовать Сенат по примеру Польши и Швеции в сословно-представительный орган, состоящий из представителей старых родовых фамилий, за Сенатом должно было располагаться так называемое «низшее правительство», состоящее из представителей мелкого и среднего дворянства.⁸

Резкие и неосторожные отзывы об императрице, осуждение действий Бирона привели в 1740 г. к аресту Волынского и его сообщников-«конфидентов». 27 июня 1740 г. после непродолжительного следствия в Тайной Канцелярии они были казнены в Петербурге.

Проект А. П. Волынского интересен как ещё один шаг на пути ограничения самовластия императора в аристократическом духе. В целом серьёзных чётко выраженных конституционных идей в проекте нет, но есть требования расширения прав дворян, личной неприкосновенности, повышения их культурного уровня, которые как бы предвосхищают главные правовые принципы екатерининского царствования.

П. И. Шувалов – один из фаворитов Елизаветы Петровны, видимо увлёкшись входившей в моду идеологией Просвещения, особенно идеями Вольтера, подготовил *проект создания фундаментальных законов*, на основе которых должно управляться государство.⁹ По своей сути проект представлял собой смесь выдержек из английского Habeas corpus act и произведений Вольтера, Беккариа и Монтескье. Елизавета Петровна не придавала значения проекту Шувалова, и он так и остался невостребованным.

---

⁷ Указ. соч. С. 91.

⁸ Указ. соч. С. 118 (Проект Волынского не сохранился. Мы судим о нем по материалам допроса). Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань. 1891.

⁹ Анисимов Е. В. Россия в сер. XVIII века // в кн. В борьбе за власть: страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 101–103; Сафонов М. М. Указ. соч. С. 128; Шмидт С. О. Проект П. И. Шувалова 1754 г. // Исторический архив. 1962. № 6. С. 110–118.

Как уже отмечалось, с середины XVIII в. идеи Просвещения и конституционализма постепенно проникают в среду русского дворянства и начинают использоваться некоторыми деятелями правительственной верхушки.

В особенности это явление обнаруживается с приходом к власти *Екатерины II*. Время её правления и особенно политика «просвещённого абсолютизма» издавна привлекали внимание историков. *Во-первых*, после Петра I это была первая по-настоящему *сильная личность* на российском троне. У Екатерины II, в отличие от её предшественников, были свои сформировавшиеся политические взгляды и убеждения; свои представления по поводу принципов управления государством и целей существования государства. Наконец, к моменту вступления на престол у неё была чёткая и в значительной мере *систематизированная программа действий* на ближайшую перспективу. *Во-вторых*, политическая программа Екатерины II отличалась существенной *новизной* по сравнению с предыдущими царствованиями, она базировалась на новейших научных разработках передовых мыслителей той эпохи и шла, что называется, в ногу со временем.

Конечно, не может не возникнуть вопрос, почему при выборе внутривполитического курса столь широко использовались идеи философии Просвещения? Ответ видится в следующем. Чтобы завоевать популярность дворянства и окончательно закрепиться на престоле, ей необходимо было использовать популярные идеи, которые бы удовлетворили по возможности широкие слои дворянства. А так как в европейском общественном мнении большой известностью и популярностью пользовались именно идеи Просвещения, и многие монархи пытались поставить их на службу государству, то и Екатерина также воспользовалась этими же средствами, стремясь завоевать престиж и популярность в России и в Европе. К тому же в стране наметились *кризисные явления*, схожие с теми, которые испытывали большинство западноевропейских абсолютных монархий. Необходимы были хотя бы частичные реформы с целью модернизации системы управления и повышения её эффективности. При этом Екатерина не могла не понимать, что вечно эксплуатировать наследие Петра I невозможно. Необходим новый этап реформ, иначе России грозит как углубление отставания от передовых стран Запада, так и усиление внутривполитического кризиса. А в идеологии Просвещения как раз и содержался рецепт реформ, не посягавших на власть монарха и, в то же время, позволявших провести необходимую модернизацию государства.

Определённую опасность для Екатерины II представлял *конституционный аспект Просвещения*, но это её не смущало. Всегда можно было доказать, используя идеи Вольтера и Монтескье, что Россия в силу обширности территории и многочисленности населения, может быть только самодержавной монархией, что собственно Екатерина и сделала. При ней разрабатывалось множество всевозможных проектов, но что характерно, ни один из них не посягал на монархию. Мудрость Екатерины как правительницы как раз и заключалась в том, что она брала из идей Просвещения лишь те, которые не только не противоречили самодержавию, а наоборот, укрепляли его. Она постоянно держала под контролем эти идеи, не давая им перейти в нежелательное для неё толкование. Правда, чтобы укрепиться на троне, ей пришлось предоставить дворянству невиданные дотоле права, что рано или поздно должно было привести к столкновению широких слоёв дворянства с самодержавием, стремившимся контролировать всех и вся.

Одним из наиболее ярких проявлений политики «просвещённого абсолютизма» был *созыв в 1767 г. Уложенной Комиссии* для составления нового Уложения. По сути, это была попытка *реализации принципа законности*, который должен лежать в основе государственного управления. Для руководства работой Комиссии и решения важнейших вопросов законодательства Екатерина написала *«Наказ» Уложенной Комиссии*, заимствуя некоторые положения из трудов Монтескье, Вольтера, Беккариа (1738–1794), Бильфельда, Юсти и других просветителей. «Наказ» интересен тем, что в нем впервые официально подтверждается приверженность

доктрине «истинной монархии» в духе учения Вольтера (§ 9–13), впервые признается равенство всех людей перед законом (§ 34–38), впервые на повестку дня выносится крестьянский вопрос (§ 270).¹⁰

Таким образом, в «Наказе» Екатерины II затрагиваются такие вопросы, которые до неё никогда не рассматривались. Другое дело искренне она это делала или нет. Но и без этого «Наказ» имел огромное значение для дальнейшей политической жизни России. Много из того, что там было изложено, впоследствии было реализовано на практике (Губернская реформа, определение прав дворян и горожан в Жалованных грамотах 1785 г. и прочее).

Вторым аспектом деятельности Екатерины II, косвенно связанным с конституционными идеями, явилась её работа над *проектами реформы судопроизводства и Сената*. Суть реформы сводилась к преобразованию старого Сената в главный судебный орган страны, как своеобразный гарант соблюдения законности, состоящий из 4-х департаментов. Согласно первоначальному проекту, в обязанности первого департамента входило наблюдать за проведением в жизнь законов, требующих быстрого исполнения, а три прочих департамента являлись высшей инстанцией для губернских учреждений: второй департамент соответствовал Палате уголовного суда, третий – Палате гражданского суда, четвертый – Казенной Палате.¹¹

Хотя сама реформа была реализована в 1763 г. в ином варианте, но сама идея Екатерины II о реформировании Сената привела к тому, что практически все русские конституционалисты последней трети XVIII и начала XIX вв. вплоть до М. М. Сперанского видели именно в Сенате не только судебный, но и представительный орган, который ограничивал бы самодержавие. Так что и в этом вопросе Екатерина II высказала идею, которая станет ключевой в конституционных проектах рубежа XVIII и XIX вв., хотя сама Екатерина оставалась убеждённой сторонницей неограниченной монархии.

Помимо созыва Уложенной Комиссии и реформы Сената к мероприятиям политики «просвещённого абсолютизма», на наш взгляд, можно отнести следующие:

- деятельность *Вольного экономического общества* в 1760-е гг. и, прежде всего, организация по инициативе Екатерины II в 1765 г. конкурса по поводу путей решения крестьянского вопроса (это мероприятие можно рассматривать в русле антикрепостнической позиции всех без исключения идеологов Просвещения);
- указ 1764 г. о *секуляризации церковного землевладения*¹² (его можно рассматривать в русле антиклерикальной позиции идеологов Просвещения);
- *особенности экономической политики*: упразднение монополий в торговле в 1762 г. и попытка введения свободного предпринимательства в 1775 г.¹³ – оба указа можно рассматривать как попытку воплощения доктрины экономического либерализма деятелей Просвещения;
- *Жалованные Грамоты дворянству и городам 1785 г.*¹⁴ По сути, это была попытка законодательной регламентации правового положения двух основных сословий – дворянства и горожан, что опять-таки можно рассматривать как попытку реализации основополагающего принципа философии Просвещения – принципа верховенства права и закона. Известно, что Екатерина II планировала издать и Жалованную Грамоту крестьянам, но этого так и не было сделано, видимо, из-за отсутствия у крестьян каких бы то ни было прав. Если бы это произо-

¹⁰ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения // под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907.

¹¹ Коркунов Н. М. Два проекта преобразований Сената 2-ой пол. Царствования Екатерины II 1788 и 1794 // Журнал министерства юстиции. 1899. Май. С. 139–171.

¹² ПСЗ. I. Т. XVI. № 12060 («О разделении духовных имений...»).

¹³ ПСЗ. I. Т. XVI. № 11630 («О разных постановлениях касательно торговли»), № 11689 («О нестроении в Москве и Санкт – Петербурге новых фабрик и о размножении оных желающим в прочих городах и уездах»).

¹⁴ ПСЗ. I. Т. XXII. № 16187 (Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства), № 16188 (Грамота на права и выгоды городам Российской империи).

шло, то можно было бы констатировать, что правовой статус всех сословий был чётко законодательно регламентирован, то есть принцип законности введён и во взаимоотношения сословий;

• *Мероприятия в сфере образования*, в том числе и организация начальных и средних школ, сиротских приютов, которые проводились на протяжении всего правления Екатерины II, но особенно активно в 1760-е гг. (воплощение главного лозунга Просвещения – активное насаждение образования среди всех сословий как залог формирования новой личности и нового общества).

Таким образом, из приведённого выше обзора следует, что, во-первых, хронологические рамки политики «просвещённого абсолютизма» охватывают *период с 1762 г. по 1789 г.* (переломным моментом стали события Великой Французской революции). Во-вторых, сам перечень мероприятий во многом повторяет мероприятия, проводившиеся примерно в это же время в абсолютистских государствах Западной и Центральной Европы. Однако прослеживается и одно *существенное отличие*. Заключалось оно в решении *крестьянского вопроса*. Выше в § 2 Главы III отмечалось, что в государствах, где еще сохранялись крепостнические отношения, местные правители пошли, как минимум, на ограниченное вмешательство во взаимоотношения крестьян и помещиков, выразившееся в регламентации размеров повинностей и земельных наделов. В Пруссии и Австрии Фридрих II и Мария Терезия отменили крепостное право в коронных землях, а сын Марии Терезии Иосиф II в 1780–1782 гг. ликвидировал крепостнические отношения в принудительном порядке по всей империи. Политика Екатерины II в этом вопросе была совершенно иной. Крепостное право не только не было ограничено, но и наоборот, было до предела ужесточено. По сути, *социальная политика Екатерины пришла в полное противоречие с политикой «просвещённого абсолютизма»*. Естественно возникает вопрос, почему принципы Просвещения (особенно принцип верховенства закона) были провозглашены официальной основой государственной политики и в то же самое время именно при Екатерине II крепостные крестьяне были низведены фактически до положения рабов, а во взаимоотношениях с ними помещиков царил полный произвол и беззаконие? В этой связи закономерен и вопрос об искренности намерений Екатерине II, а также о её отношении к крепостному праву.

На наш взгляд, первоначально Екатерина II являлась противницей крепостного права и искренне стремилась провести соответствующие реформы, включая и смягчение крепостнических отношений. Придя к власти, она попыталась это сделать, но натолкнулась на несколько препятствий.

Ликвидация или хотя бы ограничение крепостного права, предоставление определенных прав крестьянству неизбежно привели бы к коренной ломке общественных отношений. Как на это отреагирует социальная опора режима – дворянство? Сумеют ли воспользоваться предоставленной свободой подвластные дворянству непросвещённые слои населения?

Уже только эти два вопроса могли кого угодно поставить в тупик. Реформы бесспорно нужны, но какие? И как их проводить, на кого опереться?

В первые годы своего правления Екатерина II и в самом деле пыталась внедрить ряд идей Просвещения в России. Наиболее яркими проявлениями такой политики, помимо всего вышеперечисленного, были и попытки воздействовать на дворянское общественное мнение в антикрепостническом духе. Однако, прощупав почву, Екатерина поняла, что надежды на осознание дворянством аморальности крепостного права беспочвенны. Да, дворянство, особенно его аристократическая часть, было согласно разделить «бремя» политической власти с императрицей, но чтобы пойти хоть на какое-то ограничение крепостничества – об этом и речи быть не могло!

Характерный пример – объявленный Екатериной II в 1765 г. конкурс Вольного экономического общества на тему необходимости мер для облегчения положения крестьян. Из 162 кон-

курсных работ лишь семь (!) были русскими. То же самое произошло и на заседаниях Уложенной комиссии, где робкие голоса противников крепостничества утонули в хоре сторонников «незыблемости основ». Что уж говорить, если даже такой образованный и культурный человек своего времени, как князь М. М. Щербатов, выступил с резкой отповедью в адрес некоторых депутатов, посмеявшихся покуситься на взаимоотношения крестьян и помещиков!

Тут было о чем задуматься. Екатерина II вовсе не горела желанием потерять поддержку дворянства, с таким трудом полученную. Отсюда и крайне противоречивый характер её политики, когда говорилось одно, а на практике реализовывалось прямо противоположное.

Не стоит забывать и о ещё двух моментах, повлиявших на характер политического курса Екатерины.

Во-первых, императрица никогда и в мыслях не держала отказаться от самодержавия как от главного принципа власти в России.

Во-вторых, сыграли свою роль *обстоятельства прихода Екатерины к власти*. Взойдя на престол, переступив через труп мужа, она практически всё свое царствование вынуждена была «платить по счетам» дворянству, приведшему её к власти. Ей, правда, удалось, пользуясь разногласиями внутри самого дворянства, отстоять свои прерогативы от попыток ограничить их со стороны аристократических кругов (проекты Н. И. Панина). Но какой ценой! Чтобы задобрить дворянство, приходилось раздавать всё больше и больше привилегий, а также крепостных крестьян.

Политика Екатерины II была причудливой смесью, в которой заигрывания с дворянством, предоставление ему всё больших прав и привилегий уживалось со стремлением сохранить нетронутой самодержавную форму правления; а попытки улучшить положение крестьян (на словах) с активной раздачей (на деле) этих же самых крестьян в частные руки, низведения их до положения рабов. Это был замкнутый круг, выхода из которого Екатерина так и не нашла.

К концу правления Екатерины от её первоначальной программы остался лишь один пункт, состоявший в намерении выбраться из исторического тупика на путях постепенного просвещения подданных – план, рассчитанный на дальнюю перспективу.

Однако к этому времени возникла новая проблема. Намерение Екатерины отгородиться от поползновений аристократии усиленным ею бюрократическим аппаратом привело к *другому противоречию*. С одной стороны, усиливалась зависимость императорской власти от этого аппарата, а с другой – на наиболее важные посты пришлось назначать представителей всё той же аристократии (ведь это были самые образованные люди того времени). Попытка же выйти из положения путём введения правления наиболее способных (с точки зрения императрицы, разумеется) людей, лично ей преданных (политика фаворитизма), привела к росту недовольства дворян, распространению среди них конституционных взглядов. Недаром «Рассуждение о неперменных государственных законах» Д. И. Фонвизина начиналось с резкой критики фаворитизма.

Со всеми этими проблемами пришлось столкнуться сменившему Екатерину II на троне Павлу I. Как он попытался их решить – об этом мы поговорим в следующем параграфе.

Пока же подведем некоторые *итоги*. Исходя из всего вышесказанного, «*просвещённый абсолютизм*» следует признать *общеευропейским феноменом*, суть которого – проведение своеобразных *превентивных мер в целях предотвращения возможной революции в будущем*. Не осталась в стороне от этой тенденции и Россия, где подобная политика проводилась Екатериной II с 1762 г. по 1789 г. Уже то, что в России не разразилась революция, подобная французской, позволяет сделать вывод, что политика «просвещённого абсолютизма», несмотря на свою противоречивость, достигла намеченных целей и её следует считать прогрессивным для своего времени политическим курсом.

Эпоха Екатерины примечательна еще и тем, что в это время выдвинулась многочисленная плеяда государственных деятелей, следовавших идеалам Просвещения или, во всяком

случае, называвших себя таковыми. Однако, рассуждая о свободе, веротерпимости, фундаментальных законах, большинство из них как будто не замечало наиболее вопиющих, бросающихся в глаза проявлений деспотизма, рабства, произвола и бесправия, так ругаемых ими в модных салонах и клубах. Представляется глубоко убедительным утверждение Н. Я. Эйдельмана, выдвинувшего *концепцию двух типов Просвещения в России*: представители первого типа были высокопросвещёнными дворянами-гуманистами, желавшими результатов просвещённого прогресса не только для себя и своего сословия, но и по возможности для большинства народа. Они составляли явное меньшинство. Лучшие их представители – это Н. И. Новиков и А. Н. Радищев.

Ко второму типу относятся высшие сановники империи и довольно широкие слои европеизированного дворянства, так называемые «просвещённые циники», которые в отличие от дворян первого типа желали пользоваться благами Просвещения только сами. Всё же остальное должно было остаться неизменным, в том числе и крепостное право.¹⁵

В течение всего XVIII века оба эти течения поддерживали высшую государственную власть, ибо считали, и совершенно оправданно в тех условиях, что только самодержавие является единственным гарантом модернизации страны. Именно этим союзом лучших просвещённых дворян и правительства можно объяснить секрет феноменальных внешнеполитических успехов России в XVIII веке.

Однако знакомство российского дворянства с принципами Просвещения имело и другую сторону. Восприняв политические идеалы Просвещения, передовая часть дворянского общества неизбежно должна была примерить эти идеалы к российской действительности. Уже в 60-70-е годы XVIII века многие русские просветители пришли к выводу, что самодержавие в той форме, в какой оно существует на данный момент, явно противоречит принципам Просвещения.

Стремление ограничить самодержавие в соответствии с просветительскими принципами проникло и в среду высших государственных деятелей. Один из них, глава Коллегии иностранных дел **Н. И. Панин** разработал проект Конституции, ограничивавшей власть монарха. Именно этот проект, а вернее, несколько проектов Панина и будут предметом анализа. Вначале же – несколько слов об их авторе.

Никита Иванович Панин родился 18 сентября 1718 г. в Данциге в знатной дворянской семье. По семейным преданиям, правда, документально не подтверждённым, род Паниных имел итальянское происхождение из Лукской республики.¹⁶ Интересно, что по сведениям правнучки Н. И. Панина при крещении он и ставший впоследствии не менее знаменитым его брат Петр Иванович Панин, родившийся в 1720 г., получили другие имена Мефодий и Иоанн, «и неизвестно по какой причине стали называться Никитой и Петром».¹⁷ Как бы то ни было, Н. И. Панин получил прекрасное образование, а в 1740 году числился уже корнетом гвардии. Имея большие связи при Дворе, ему не составляло труда быстро продвинуться по службе. К тому же молодой человек обладал недюжинными дипломатическими способностями, что отметил канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. По его настоянию Панин в 1747 г. назначается посланником в Данию, получив при этом чин камергера. Через два года он переводится из Копенгагена в Стокгольм. Однако существует версия, по-иному объясняющая перевод Н. И. Панина с придворной службы на дипломатическую. Якобы благодаря эффектной внешности, он понравился Елизавете Петровне и она собиралась сделать его своим фаворитом. Не желая терять свои позиции при Дворе, братья Разумовские сделали все возможное, чтобы удалить Панина

---

¹⁵ Эйдельман Н. Я. Грань веков: политическая борьба в России кон. XVIII – нач. XIX вв. М., 1986. С. 20–25.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889 (Панины в письмах, переписке и других актах XVIII – 1-й половины XIX в.в. с биографическими сведениями о Н. И., П. И., Н. П. Паниных в 4-х томах). Л. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889 (Панины в письмах, переписке и других актах XVIII – 1-й половины XIX в.в. с биографическими сведениями о Н. И., П. И., Н. П. Паниных в 4-х томах). Л. 1–1(об.).

не только от Двора, но и вообще из России.¹⁸ По отзывам современников, во время пребывания в Швеции Панин проникся симпатиями к шведскому конституционному строю¹⁹, что сыграет в дальнейшем свою роль при разработке им конституционного проекта. В 1758 году после ареста его покровителя А. П. Бестужева-Рюмина, Панин по требованию профранцузской «воронцовской» партии был вынужден уйти в отставку. Однако нашлись люди, ценившие его незаурядные способности. В 1760 году неожиданно для самого себя Панин назначается воспитателем наследника Павла Петровича – пост в то время в высшей степени почётный. В 1763 г. Панин назначается руководителем Иностранной коллегии и практически все внешнеполитические успехи России того времени связаны с его именем.

По отзывам современников, Н. И. Панин был сложным и противоречивым человеком. С одной стороны – прекрасное образование, мягкость и вежливость в обращении, гибкость, безукоризненная честность, патриотизм, литературный талант²⁰, с другой стороны – многие отмечали у него склонность к лицемерию и интриганству: «на долю Панина выпала странная судьба: не успев сам сделаться фаворитом при Елизавете, Панин главной целью своей деятельности сделал борьбу против фаворитов, для вящего успеха явившись покровителем одного из них – Васильчикова; будучи враждебно настроенным против Петра III, приняв непосредственное участие в заговоре против него, Панин сына его воспитал в благоговейном почитании его памяти»²¹. Естественно, такая противоречивость не могла ни сказаться на нём как государственном деятеле. При этом практически все современники отмечали *принципиальность* и *честность* Н. И. Панина, то, что превыше всего он ставил не свои личные интересы, а интересы России. Так его правнучка в своих воспоминаниях о семье приводит несколько отзывов английских дипломатов о Панине как главе российской дипломатии. «Панин отличается прямой и твёрдостью, мысли свои выражает ясно, определённо, пространно. Эти мысли не прикрывают себялюбивых происков, они не суть произведение случайного впечатления или желания блеснуть; нет, они составляют части одного целого, построенного трудолюбием, деловой жизнью... Свои соображения он высказывает императрице начистоту, и по свидетельству Маккартнея (английского посла в Петербурге) может целый час отстаивать свои взгляды, не разделяемые императрицей... Из всех царедворцев, окружающих Екатерину, один только Панин представляется истинно государственным человеком, в деловых отношениях он не прикрывается таинственным молчанием, плохо скрывающим бездарность; он всегда готов говорить о деле, не тяготится им. Несмотря на множество порученных ему обязанностей, он любит дела, потому что любит отечество».²² В цитируемых воспоминаниях приводится и отрывок из письма графа Букингемского графу Сэндвическому от 13 апреля 1764 г., в котором говорится о том, что Панин твердо настаивает при переговорах о торговом соглашении с Англией на соблюдении государственных интересов России.²³

Не менее яркую характеристику Н. И. Панину дал его секретарь знаменитый писатель и драматург Д. И. Фонвизин (или в транскрипции того времени – фон Визин). «Характер покойного графа Н. И. Панина достоин был искреннейшего почтения и любви. Он имел твердость, свойственную душе великой. Никакие прельщения и устрашения не могли её поколебать. Не было на свете власти, которая смогла бы его заставить предложить Государю своё мнение или

¹⁸ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889 (Панины в письмах, переписке и других актах XVIII – 1-й половины XIX в.в. с биографическими сведениями о Н. И., П. И., Н. П. Паниных в 4-х томах). Л. 3.

¹⁹ Герасимова Г. И. Северный аккорд графа Панина. Проект и реальность. // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 65–79.

²⁰ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 10; Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1882. Т. VII. С. 73–74.

²¹ Шумиговский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 17.

²² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 3 об.

²³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 4 об.-5.

согласиться с мнением Государя вопреки своему внутреннему убеждению... Ум у него был чистый и проникание глубокое. Он знал человека и знал людей. Искусство его привлекать к себе сердца людские было неизречённое. Оно состояло в том, что при первом свидании с человеком он тотчас узнавал меру его разума и всегда своим умом мог так с ним поравняться, что всякий ощущал к нему привязанность и сам собой был доволен совершенно. В делах, требующих зрелого рассмотрения, не любил он поспешности. Правда, это давало повод обвинять его в медлительности. И действительно, характер его был удален от всякой скоропалительности и пылких движений. Он охотно отлагал дела, могущие терпеть время, но нужно отдать ему справедливость, что нельзя иметь большего рвения и неутомимости, какие показывал он в делах, требовавших немедленного исполнения. Был он прелюбезен и терпеть не мог, чтобы в дружеской беседе кто-нибудь сделал для него то, чего в отсутствии его не захотел бы сделать... Разговор его был почти всегда весел, шутки приятны, остры и без всякой желчи. Доброта сердца его была беспримерна. Словом, не было никого из незнакомых ему сограждан, кто бы ни считал во всякой своей крайности последним способом к спасению идти к Графу Панину и, открыв ему свою душу, искать в его добродетельной душе помощи или совета. Сердце его никогда мщения не знало. Самые неприятели его всегда устыжаемы были кротким и ласковым его взором. Бескорыстие было в нем соразмерно щедрости». В качестве примера Фонвизин приводит такой факт: из 9000 душ принадлежавших ему крепостных Н. И. Панин 4000 подарил четырём своим ближайшим сотрудникам, среди которых был и сам Фонвизин.²⁴

Судя по всему, Н. И. Панин не был простым царедворцем-карьеристом. Он не боялся высказывать своё мнение, даже если оно полностью расходилось с мнением императрицы, чему сохранилось немало свидетельств. Например, в уже упоминавшихся воспоминаниях правнучки Н. И. Панина приводится рассказ о выступлении Панина на заседании Совета при Высочайшем Дворе по поводу предполагавшегося брака Екатерины II и графа Гр. Орлова. «Все царедворцы поддержали намерение Екатерины, последним выступил Н. И. Панин: «Воле Её Величества кто воспротивиться может? Но графиня Орлова уже не может оставаться Императрицей Всероссийской», – и при этих словах выпрямился и пудра его косы покрыла спину».²⁵ Если это было действительно так, то смелости Панина можно только позавидовать.

Итак, в 1760 году Панин становится воспитателем наследника. И буквально тут же он оказался вовлечённым в водоворот политической борьбы. Во время дворцового переворота 28 июня 1762 г. Н. И. Панин наравне с братьями Орловыми и Е. Дашковой играет одну из ведущих ролей. Однако он резко расходился с ними относительно вопроса о престолонаследии. Панин считал необходимым провозгласить императором сына Петра III Павла Петровича, а Екатерину назначить регентшей до его совершеннолетия. Как отмечали многие современники, Панин привязался к своему воспитаннику всей душой, «все чувства нежнейшего отца он обратил на него, сам ухаживал за ним во время болезней и окружил Павла лучшими людьми того времени, руководил его учением, охранял его нравственный облик, и во многом благодаря Панину Павел долгое время сохранял непреодолимое отвращение ко всякой нескромности и высоко ценил семейную жизнь».²⁶ Для Панина Павел был не просто орудием интриги и карьеры: «Панин мечтал об усовершенствовании российской политической системы, ограничении временщиков, куртизанов и ласкателей, сделавших из государства гнездо своих прихотей».²⁷

Выходом из такого положения Н. И. Панин считал утверждение наиболее естественного, максимально законного монарха, т. е. Павла. Но это была лишь половина замысла. Одновре-

²⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 8-11.

²⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 6 об. – 7.

²⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 7 об.

²⁷ Доклад графа Н. И. Панина, представленный Екатерине II вместе с текстом соответствующего манифеста. // Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). СПб., 1871. Т. VII. С. 200–221; *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 33.

менно Паниным был разработан *конституционный проект*, предусматривавший ограничение самодержавия *Императорским Советом* из 6–8 человек с подчинёнными ему 4-мя департаментами (иностраных, внутренних, военных и морских дел), т. е. фактически они являлись прообразом будущих министерств²⁸.

Первоначальный проект по всем признакам являлся зачатком типичной аристократической конституции, причем чётко просматривалась ориентация Панина на шведские образцы, недаром он долгое время был посланником в Стокгольме.²⁹

Косвенно Панину все же удалось воплотить эту идею в жизнь. Именно по этим образцам в 1775 г. в Польше был создан Постоянный Совет во главе с королем.³⁰ Проект же 1762 г. постигла судьба «затейки верховников» 1730 г. Екатерина вначале подписала его, а затем отказалась его соблюдать.³¹ Так было покончено со второй попыткой в XVIII веке ограничить самодержавие. Однако в отличие от «верховников», никаких санкций в отношении Н. И. Панина Екатерина не предприняла (как и в отношении его брата П. И. Панина, допускавшего иногда откровенно фрондёрские выпады против императрицы и её фаворитов, за что и заслужившего от Екатерины звание «первого враня империи»).³² В чём причины такой «доброты» Екатерины – можно только догадываться. Скорее всего, чувствуя непрочность своего положения, она попросту побаивалась клана Паниных, обладавшего значительным политическим весом в придворных кругах. А может быть, Екатерина просто ценила их талант государственных деятелей, и поэтому закрывала глаза на их оппозиционные настроения.

Однако после неудачи своего проекта Панин на этом не успокоился. Он создаёт своего рода *оппозиционный кружок* вокруг своего воспитанника Павла, в который входили его брат фельдмаршал П. И. Панин, Д. И. Фонвизин и другие. Участники кружка воспитывают Павла в духе оппозиции матери, его укрепляют в сознании своих прав на престол, интереса к убитому отцу Петру III (характерно, что в 1830 г. когда Д. Н. Блудов предоставил Николаю I одиннадцать секретных документов из Кабинета Павла, большинство из них касалось права наследования престола, в т. ч. выписка о незаконности наследования по женской линии).³³

Тем временем надвигались серьёзные события. Приближалось совершеннолетие Павла – дата во всех отношениях примечательная. Декабрист М. А. Фонвизин записал в ссылке, опираясь на рассказы отца Александра Ивановича Фонвизина, что в 1773 г. или 1774 г., когда Павел достиг совершеннолетия и женился на Наталье Алексеевне, граф Н. И. Панин, его брат фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. Б. Репнин, митрополит Гавриил и ряд гвардейских офицеров составили *заговор* с целью свергнуть Екатерину и посадить на престол наследника, который должен был принять написанную Паниным Конституцию. Павел якобы согласился, подписал проект Конституции и даже принес клятву, что, воцарившись, не нарушит ни одного коренного закона, ограничивающего самодержавие. В заговор была вовлечена первая жена Павла принцесса Вильгельмина (после принятия православия – великая княгиня Наталья Алексеевна).³⁴

Однако Екатерина II узнала о заговоре и заподозрила сына. Павел был перепуган и вскоре явился к ней с повинной. Екатерина его пощадила, но Панина и его окружение под благовидными предлогами выслала или окружила надзором.³⁵ Такова трактовка событий в изложении М. А. Фонвизина. Некоторые историки считают, что никакого заговора не было, т. к. никаких

²⁸ Сборник РИО. СПб., 1871. Т. VII. С. 202–216; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 34–35.

²⁹ Герасимова Г. И. Указ. соч. С. 66.

³⁰ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 33.

³¹ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 34.

³² РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 34.

³³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. № 564. Л. 11.

³⁴ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. / под ред. Житомирской С. В. и Мироненко С. В. С. 127–129.

³⁵ Указ. соч. С. 129. См. также: Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1982. С. 113–130.

других документальных свидетельств, кроме рассказа М. А. Фонвизина, не сохранилось. Так, например, М. М. Сафонов в монографии «Завещание Екатерины» доказывает, что произведение М. А. Фонвизина – это скорее не мемуары, а политический памфлет, целью которого было опровергнуть правительственный тезис о том, что декабристское движение якобы не имело исторических корней. Поэтому М. А. Фонвизин специально обострял и искажал те моменты российской истории, где усматривал борьбу монархических и конституционных тенденций. По мнению Сафонова, борьбу Н. И. Панина и его сторонников за введение *соправительства* по достижении Павлом совершеннолетия по примеру Австрии (с 1765 г. Иосиф II стал там официально соправителем Марии Терезии) М. А. Фонвизин изобразил как заговор с целью свержения Екатерины II, хотя речь шла только о легальном возведении Павла на трон рядом с матерью.³⁶ Действительно, других свидетельств о заговоре, кроме записок М. А. Фонвизина пока не обнаружено. Однако надо иметь в виду, что если заговор действительно был, то письменные сведения о нем вряд ли могли существовать, ведь заговор был тайным и, естественно, о нём не осталось явных свидетельств.

Как бы то ни было, появляется новый проект панинской Конституции. Что он из себя представлял – об этом М. А. Фонвизин не сообщает.

Итак, если предположить, что заговор всё же существовал и был раскрыт, то становится ясным, что положение Н. И. Панина при Дворе не должно было остаться прежним. Так оно и случилось. Его влияние резко падает, фактически он находится в полуопале и в конце концов вынужден уйти в отставку в 1781 году.

От последнего периода жизни Н. И. Панина до нас дошло очень интересное свидетельство, подтверждающее, что до самого конца своей жизни Панин был по-прежнему верен конституционным идеям и по мере сил пытался их привить наследнику.³⁷ Как свидетельствуют документы, найденные М. М. Сафоновым, 28 марта 1783 г., за два дня до смерти, Панин убеждал Павла преобразовать государственный строй России на конституционных основах, причём эти предложения в целом совпадают с тем, что впоследствии записал М. А. Фонвизин. Судя по всему, проекту Панина предшествовало *введение*, написанное Д. И. Фонвизиним и дошедшее до наших дней.³⁸ Начиналось оно так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют.»³⁹

Далее шло своеобразное морально-этическое наставление государю в духе идеалов Просвещения: верховенство законов, суверенитет нации, теория общего блага и общественного договора, резкое обличение фаворитизма, при котором «головы занимаются одним примышлением средств к обогащению. Кто может – грабит, кто не может – крадёт». В такой ситуации «любой указ государя, какие бы благие цели он не преследовал, если он не зиждется на непреложных государственных законах, лишь ещё больше усугубит ситуацию и лишь увеличит злоупотребления».⁴⁰ Причём все эти злоупотребления могут привести к тому, что «долготерпимый наш народ расторгнет узы нестерпимого порабощения», а это уже бунт, революция, анархия. И ведь виноват в этом сам режим, не успевший приспособиться к новой ситуации: «деспотичество, рождающееся обычно из анархии, весьма редко в неё опять не возвращается».⁴¹ Как избежать такого мрачного конца? Предлагаются следующие средства.

---

³⁶ Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2001. С. 70–73.

³⁷ Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // ВИД. Л., 1974. Вып. VI. С. 280.

³⁸ Фонвизин Д. И. Рассуждение о неперменных государственных законах // Собрание сочинений. М. – Л., 1959. Т. II. С. 254–267; а также: Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных Блаженной памяти к Государю императору Павлу Петровичу, приведённый в конце книги: Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 1–35; Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 134–140.

³⁹ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 254.

⁴⁰ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 256.

⁴¹ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 258.

Во-первых, нация «должна получить свою *вольность*, чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти».⁴² По-видимому, под этим Фонвизин понимал кодификацию права и установление равенства всех перед законом.

Во-вторых, необходимо законодательно установить *право собственности*, без которого не может быть никакой вольности, т. к. по мнению автора, «истинно свободным является человек, ни от чьей воли не зависящий, а раб – тот, кто ни собой, ни своим именем располагать не может и не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоволения».⁴³

Таким образом, политическая «вольность» неразрывно связана с правом собственности. Все вышеперечисленное должно, стать «составной частью фундаментальных законов»; под которыми понимаются «священные законы, определяющие политическое устройство государства... Они должны быть ясными, чтоб никаких недоразумений не возникало, неизменными, т. к. от них зависит общая безопасность государства».⁴⁴

Итак, просвещённый и добродетельный монарх, под которым подразумевается Павел, приняв государство в разобранном и неустроенном виде, «должен немедленно оградить общую безопасность» и предотвратить гибель государства посредством установления неперменных законов. При этом необходимо соблюдать два условия:

а) к преобразованиям приступить немедленно, иначе может быть поздно, т. к. время не терпит;

б) осуществлять преобразования нужно постепенно по мере просвещения народа, ибо «ничто не может так быстро подвергнуть государство разрушению, как предоставление неподготовленной нации таких преимуществ, какими наслаждаются благоустроенные европейские народы».⁴⁵ Поэтому в этом деле нужна большая осторожность.

Таково было введение, далее шел сам проект Конституции, написанный, по всей видимости, Н. И. Паниным. Дошедший до нас лишь частично, он представлял собой в общих чертах следующее. Предполагалось установить политическую свободу сначала для одного дворянства путём учреждения Верховного Сената, часть несменяемых членов которого назначалась бы от короны, а большая часть состояла бы из избранных дворянством из своего же сословия лиц. Верховному Сенату подчинялись бы губернские и уездные дворянские собрания. Выборы, как сенаторов, так и чиновников местных администраций, производились бы в этих же собраниях.⁴⁶

Таким образом, вся полнота законодательной власти должна была принадлежать Сенату; императору же оставлялась лишь исполнительная власть с правом утверждать обсуждённые Сенатом законы и обнародовать их.

Дальнейшая судьба проекта неизвестна. Вполне возможно, что он оказался среди тех бумаг, которые после смерти Н. И. Панина его брат П. И. Панин передал на хранение жене петербургского генерал-прокурора Пузыревского для последующей передачи Павлу после смерти Екатерины II. Однако ни братья Панины, ни Д. И. Фонвизин не дожили до этого момента. Правда, бумаги эти всё же, видимо, были переданы Павлу вскоре после его восшествия на престол, но у него к этому времени были уже совершенно другие намерения. «Рассуждение» Д. И. Фонвизина и, видимо, один из вариантов проекта Н. И. Панина попали к племяннику писателя М. А. Фонвизину, а от него к декабристу Н. М. Муравьеву, который, скорее всего, использовал их при разработке своего проекта Конституции.⁴⁷

---

⁴² Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 263.

⁴³ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 264.

⁴⁴ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 265.

⁴⁵ Фонвизин Д. И. Указ. соч. С. 267.

⁴⁶ Фонвизин М. А. Политическая жизнь в России. // Библиотека декабристов. 1907. Вып. IV. С. 33; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина. // ВИД. Л., 1974. т. VI. С. 280.

⁴⁷ Эйдельман Н. Я. Грань веков... С. 44–45; Пигарев К. В. Рассуждения о неперменных государственных законах Д. И.

Оценивая проект Н. И. Панина, нельзя не отметить его относительную новизну по сравнению с предшествовавшими ему проектами. Выражается эта новизна, прежде всего, в том, что согласно проекту, предполагалось предоставить политические права не только группировке высшей аристократии, но и широким слоям дворянства, а включение в состав фундаментальных законов принципа равенства всех перед законом и права на собственность всех сословий независимо от происхождения, вообще являлось весьма радикальным по характеру требованием.

Конституционные проекты Н. И. Панина особенно важны ещё и вот с какой точки зрения. Верхи дворянства в своём соперничестве с самодержавием за обладание политической властью широко использовали идеи аристократического конституционализма. Но их сторонникам не хватало идеологического обоснования правомерности использования этих идей. Необходимо было облечь эти идеи в некую философскую форму. И такая форма была найдена. Ею стала идеология Просвещения, вернее отдельные её элементы. И именно Н. И. Панин в своём втором конституционном проекте первым из российских государственных деятелей начинает широко использовать идеи Просвещения для обоснования необходимости ограничения самодержавной власти.

Характерно, что ответные шаги предпринимало и самодержавие в лице Екатерины II. Одним из них стало резкое усиление бюрократического аппарата, который должен был служить заслоном от политических притязаний дворянства и обеспечить относительную самостоятельность верховной власти. Вторым шагом было использование всё тех же идей Просвещения, естественно надлежащим образом отобранных. В качестве примера можно привести использование Екатериной II концепции «философа на троне» Вольтера и постулата Монтескье о том, что большим по территории странам лучше всего подходит абсолютная монархия, для того чтобы более убедительно обосновать необходимость существования самодержавия в России. Исходя из этого, видимо, именно Екатерину II следует считать родоначальницей так называемого *правительственного конституционализма*, получившего широкое распространение позднее, в правление Александра I.

Возвращаясь к проекту Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина, еще раз следует отметить его новизну по сравнению с предшествовавшими аристократическими проектами, включая и первый проект Н. И. Панина 1762 г. Всё это даёт основание считать второй проект Н. И. Панина *началом нового дворянско-просветительского этапа развития конституционализма в России*. Дальнейшее развитие эта тенденция получила в конституционных проектах первой четверти XIX века, но этому предшествовало кратковременное царствование Павла I, вокруг которого до сих пор не утихают споры.

§ 2. «Просвещённый деспотизм» Павла I и конституционные проекты участников антипавловского заговора

Период кратковременного правления Павла I (1796–1801) традиционно является одним из наиболее сложных для изучения в российской истории. В отличие от предшествовавшего царствования Екатерины II (1762–1796) в политическом курсе Павла I, на первый взгляд, *отсутствуют цельность и системность*; этот курс как бы распадается на отдельные слабо-связанные и притом противоречащие друг другу мероприятия. Именно эта крайняя непоследовательность во внутренней и внешней политике России в 1796–1801 гг. и позволила ряду исследователей говорить о *феномене Павла I*.

Рассматривая выше развитие конституционных идей в России 2-ой половины XVIII века, создалось впечатление, что Павел в юности был искренним приверженцем конституционных идей и даже желал воплотить их в жизнь. Можно вспомнить хотя бы обещание, данное Н. И. Панину накануне его кончины.⁴⁸ Тем удивительнее метаморфоза, происшедшая с Павлом после долгожданного вступления на трон. Контраст между идеями Панина и той тиранией, которую установил Павел, придя к власти, настолько резко бросается в глаза, что трудно представить, будто Павел-тиран в молодости был сочувствующим идеям конституционализма.

Всё это привело к тому, что в отечественной историографии встречаются две прямо противоположные оценки павловского царствования.

Тон первому направлению в историографии задал *В. О. Ключевский*, резко негативно оценивший деятельность Павла, назвав её капризами сумасшедшего: «всё содержание этого царствования – не более чем политические анекдоты».⁴⁹ Его позицию разделял *Н. К. Шильдер*, определявший павловские мероприятия как «бесцельные, случайные и вредные для истинно государственных интересов России, приведшие все отрасли государственного управления в неопишемый беспорядок».⁵⁰

В исследованиях большинства авторов Павел предстаёт больным, ненормальным человеком. Вся его политика – это прихоть больного воображения, поэтому говорить о каких-либо последовательных принципах в ней не приходится. Эта точка зрения с небольшими модификациями господствовала и в советской историографии.

Начало разработке другой концепции павловского царствования положил *Д. А. Милютин*, отметивший положительное значение административных и военных преобразований Павла.⁵¹ Точку зрения Д. А. Милютина, основываясь на источниках, отстаивал и *П. Н. Буцинский*.⁵² В наиболее же законченном виде концепция позитивной оценки царствования Павла I представлена в работах *М. В. Ключкова*, уделившего особое внимание социальному аспекту политики императора. У Ключкова Павел предстает «царём-реформатором», посвятившим себя неравной борьбе с дворянскими привилегиями и много сделавшим в улучшении положения крестьян. По мнению автора, именно из-за этого Павел и был убит.⁵³

---

⁴⁸ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 33–34; Сафонов М. Н. Конституционный проект Н. И. Панина-Д. И. Фонвизина. // ВИД. Л., 1974. Вып. VI. С. 278–280.

⁴⁹ Цит. по: Окунь С. Б. История СССР (курс лекций). 1796–1825 гг. Л., 1947. С. 5.

⁵⁰ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 138.

⁵¹ Милютин Д. А. История войны 1799 г. СПб., 1904.

⁵² Буцинский П. Н. Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901.

⁵³ Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг., 1916.

К более умеренной позиции склоняются такие авторы работ о Павле как *Д. Кобеко* и *Е. С. Шумигорский*.⁵⁴ Их работы основаны на изучении огромного массива источников и поэтому не потеряли научного значения и в наше время. Большой исследовательский интерес представляют также работы сторонника позиции Кобеко и Шумигорского *Н. Я. Эйдельмана*.⁵⁵ Все эти авторы считали, что Павел имел чёткую программу действий, главной целью которой была своего рода превентивная борьба с надвигающейся революцией. Однако негативные черты характера Павла не позволили добиться успеха в этом направлении и даже, напротив, привели к обратному результату.

Итак, политика Павла вызывает самые противоречивые оценки. Для разрешения возникшей в историографии коллизии прежде всего следует обратиться к проблеме павловского царствования с точки зрения отношения его к конституционным идеям и другим преобразованиям. Лишь только тогда можно выяснить, чем же было правление Павла I: неограниченной тиранией безумного монарха или неудавшейся попыткой преобразований в целях предотвращения возможной революции? Остался ли Павел верен идеям своего воспитателя Н. И. Панина или изменил им?

Как известно, Павел I родился в 1754 году и являлся единственным сыном Петра III и Екатерины II. Он был сразу же отобран у родителей и первые годы воспитывался лично императрицей Елизаветой Петровной. С родителями он общался не чаще 1–2 раз в неделю и, по сути, их толком не знал, впрочем, как и они его. По отзывам современников, маленький Павел был умным и отзывчивым ребенком, быстро научился писать и читать, и проявлял особые успехи в математике. Когда Павел подрос, Екатерина II (к тому моменту уже свергнувшая своего мужа с престола) решила дать наследнику систематическое образование, назначив главным наставником одного из видных сановников империи, руководителя коллегии иностранных дел графа *Никиту Ивановича Панина*, являвшегося к тому же одним из главных организаторов возведения на престол Екатерины II. Однако сам Н. И. Панин рассматривал Екатерину II, как временную фигуру, которая должна находиться на престоле только до совершеннолетия Павла, являвшегося, по мнению Панина, единственным законным наследником престола. Именно эти идеи он и привил Павлу и именно в этом – главная причина *резкого охлаждения* отношений между императрицей-матерью и сыном, наступившего с середины 1770-х гг. Павел полагал, что мать незаконно отобрала у него престол, отсюда – почти открытая оппозиционность политике матери и почитание памяти отца. Властолюбивая Екатерина II в свою очередь не желала расставаться с властью и, видя негативное отношение к ней Павла и его претензии на участие в управлении страной, сделала совершенно логичный и оправданный с её точки зрения ход – совершенно *отстранила* Павла от участия в обсуждении государственных дел. Мало того, Екатерина позволяла своему окружению открыто унижать наследника, демонстрировать пренебрежительное отношение к нему, распускать слухи о его безумии, неспособности к государственным делам и т. д. Существует, впрочем, и иная, весьма оригинальная версия, объясняющая столь негативное отношение Екатерины II к Павлу. По этой версии, Павел вообще не был сыном Екатерины. Она якобы родила мёртвого ребенка, но Елизавета Петровна, мечтавшая получить на всякий случай ещё одного наследника – мальчика (вместо туповатого и инфантильного Петра III), приказала скрыть этот факт, и наследником объявили мальчика из близлежащей чухонской деревни, родившегося как раз в это время. Екатерина естественно знала об этом, отсюда и такое крайне холодное отношение к Павлу.⁵⁶ Впрочем, фактами эта гипотеза не подтверждена.

---

⁵⁴ Кобеко Дм. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1907; Шумигорский Е. С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907.

⁵⁵ Эйдельман Н. Я. Грань веков... М., 1986.

⁵⁶ Первым эту версию изложил декабрист А. Ф. Бриген, затем она была напечатана А. И. Герценом в 1861 г. в одном из сборников Вольной русской типографии. См.: Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 2. 1861 г.

Как бы то ни было, отношения между Екатериной II и Павлом к 1796 г. ухудшились до предела; она твёрдо решила лишить Павла права наследования и передать престол внуку Александру. Лишь апоплексический удар и последовавшая затем смерть Екатерины не позволили осуществить задуманное. В этом, в общем-то, и разгадка ярко выраженной *антиекатерининской политики* Павла I в первые месяцы нахождения у власти, часто принимавшей анекдотичные формы. Здесь налицо было явное намерение отомстить за все те унижения, которые он вытерпел при Екатерине.

Но у Павла явно были и более *серьезные намерения*, чем простая месть, навеянные влиянием его бывшего наставника Н. И. Панина. Уже отмечалось, что Н. И. Панин являлся приверженцем западноевропейского конституционализма, в частности концепции «истинной монархии», основанной на неизменных фундаментальных законах, которые не имеет право нарушить и сам монарх. Именно его влияние и предопределило формирование мировоззрения наследника. Существует множество фактов, подтверждающих увлечение Павла конституционными идеями в юности. К примеру, сохранилось письмо Павла П. И. Панину от 14 сентября 1778 г., в котором наследник признаёт, что «свобода, конечно, первое сокровище каждого человека, но должна быть управляема крепким понятием оной, которое ничем иным приобретается как воспитанием», а то в свою очередь «не может быть иным управляемо, чтоб служило к добру, как фундаментальными законами, но как сейчас последних нету, следовательно, и воспитания порядочного быть не может...».⁵⁷

В этом документе Павел высказывает вполне здравые мысли, которые вряд ли мог вынашивать полусумасшедший тиран, каким представляют Павла некоторые историки. Так что версию о безумии Павла следует оставить в стороне. Павел, естественно, был неуравновешенным, крайне нервным, экзальтированным человеком, чему способствовали драматические обстоятельства его жизни. Слухи же о безумии, неспособности к государственным делам, наконец, о незаконнорожденности Павла был, видимо, намеренно пущены окружением Екатерины, если не ею самой, дабы как-то оправдать предполагавшееся лишение Павла престола.

В дополнение к вышеприведённому отрывку из письма П. И. Панину 1778 г. приведём еще другие свидетельства: в 1770-е гг., видимо, под влиянием своего учителя Н. И. Панина и близкого к последнему Д. И. Фонвизина, Павел заинтересовался идеями Просвещения. Он читал в подлиннике произведения Ч. Беккариа, Ш.-Л. Монтескье, Вольтера и по первым впечатлениям от этих сочинений сам пытался составить проекты необходимых преобразований. Из-под его пера выходит огромное количество «мнений» и «рассуждений» о состоянии дел в государстве.

Публицистические труды Павла Петровича основываются на следующих принципах. *Во-первых, политическим идеалом* для Павла была *государственная система Петра I* с его идеей служения государству всех подданных независимо от сословной принадлежности ради достижения «общего блага» для всего государства. *Во-вторых*, Павел полностью соглашался с просветителями, что стране необходимы *фундаментальные законы*. Вот что он писал по этому поводу в одном из своих проектов: «спокойствие внешнее зависит от спокойствия внутреннего; страсти должны быть обузданы. Чем их обуздать как ни законами?...Здесь опять запрещаю себе больше говорить о сём, ибо сие рассуждение довело б меня до того пункта, от которого твёрдость и непоколебимость зависят...».⁵⁸

О чём боялся говорить Павел? Вполне возможно, что о представительных учреждениях. Мысль эта как-то не совсем стыкуется с привычным образом Павла как тирана и деспота. Отме-

М... 1971. С. 244–264; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 186–187; Бриген А. Ф. Письма и исторические сочинения. Иркутск, 1986.).

⁵⁷ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. М.-Л., 1959. Т. II. С. 681.

⁵⁸ Пометки Павла Петровича на полях рукописи Рассуждение о государстве вообще (1774). // Русская старина. 1882. № 3. С. 745–748.

тим также, что в 1783 г. Павел дал слово умирающему Н. И. Панину ввести в действие разработанный им проект Конституции сразу после восшествия на престол.⁵⁹

Но с другой стороны, была ведь и настоящая тирания в период правления Павла I. Как же соотнести эти два, казалось бы, противоположных момента? Каким образом Павелконституционалист превратился в Павла-тирана?

Можно выделить две основные причины этого перевоплощения.

Во-первых, постоянные унижения, которым подвергался Павел при Дворе Екатерины, привели к тому, что Павел возненавидел не только мать и её фаворитов, но и перенес эту ненависть на всё дворянское сословие, олицетворением которого, на его взгляд, и был Двор. А если учесть *приверженность Павла теории «общего блага»*, согласно которой все сословия должны служить государству, то становится понятным стремление Павла лишить дворянство незаслуженных привилегий, заставить его вновь служить Отечеству наравне с другими сословиями. Это видимо и дало повод некоторым историкам назвать Павла «царём-демократом»⁶⁰, хотя к демократии он, конечно же, не имел никакого отношения.

Во-вторых, огромную роль в смене мировоззрения Павла сыграла *Французская революция*, «конституционные опыты» которой произвели на Павла явно отрицательное впечатление. После казни же Людовика XVI конституционные мечтания Павла окончательно умирают и идеи ограничения самодержавной власти сменяются идеями централизованной перестройки государственного аппарата с наступлением на дворянские привилегии.

В результате после вступления Павла на престол, его взгляды претерпели серьёзные изменения по сравнению с предшествующим периодом. К моменту вступления на престол Павел руководствовался следующими принципами.

Главный принцип, провозглашённый новым императором – это «Блаженство всех и каждого!», согласно которому «каждый подданный имеет значение, поскольку я с ним говорю и до тех пор, пока я с ним говорю!».⁶¹ Отсюда следует, что власть императора является высшим благом подданных, которые все перед ним равны: и дворянство и простой народ. *Император становится верховным посредником в отношениях между ними.*

Следствием этой идеи является *курс на максимальную централизацию и укрепление императорской власти* как единственный путь к «блаженству всех и каждого», петровской идее «общего блага». Отсюда происходит и стремление Павла во всё вникнуть самому, регламентировать и контролировать все стороны жизни. От подобных утверждений до тирании был только один шаг. Главное было – сохранить меру. Но сохранить меру Павлу как раз и не удалось. В результате все его начинания в этой области вылились либо в репрессии против недоброжелателей, либо в те самые анекдоты, о которых говорил Ключевский.

Чтобы бороться с проникновением идей Французской революции в России, Павлу необходимо было противопоставить им нечто такое, что должно было быть обязательно консервативным, способным сплотить противников революции не только в России, но и на Западе. После долгих исканий Павел обратился к далёкому средневековому прошлому, взяв за основу идеализированную *рыцарскую консервативную идею*, противопоставив её знаменитой революционной триаде «свободы, равенства, братства». Особо подчёркивалось, что мораль западного рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстия, храбрости, присуща только дворянскому сословию, но никак не жадным, беспринципным буржуа.

Следуя этой морали, Павел пытался вести себя как истинный рыцарь, что дало повод Наполеону назвать его «русским Дон Кихотом», а Иосифу II – «русским Гамлетом».⁶²

---

⁵⁹ Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина-Д. И. Фонвизина. // ВИД. Л., 1974. Т. VI. С. 261–280.

⁶⁰ Эйдельман Н. Я. Грань веков... С. 260.

⁶¹ Memoires posthumes du feld – marechal comte de Stedingk. Paris, 1845. VII. P. 10–11; Ключков М. В. Указ. соч. С. 142.

⁶² Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 72.

Вступление в масонский орден (в масонской галерее королевского дворца в Стокгольме есть портрет Павла в орденском одеянии), гроссмейстерство с 1797 г. в Мальтийском ордене иоаннитов, наконец, призыв через А. Коцебу от 11 декабря 1800 г. ко всем европейским монархам решать все международные споры путём вызова на дуэль – всё это звенья одной цепи, имевшей в основе эту самую рыцарскую идею, облечённую в масонскую, а затем в мальтийскую ритуалистику.

В это же время Павел увлекается идеей *теократизма* с известной формулой «государь – глава церкви», и в форме Мальтийского ордена пытается осуществить эту идею на практике, соединив в своих руках светскую и духовную власть. Существует мнение, что Павел имел планы даже соединить церкви, став папой (чисто российская идея поглощения церкви государством).⁶³ Косвенным свидетельством этого является, во-первых, пресловутая веротерпимость Павла, а во-вторых, его заигрывания с католицизмом и в первую очередь с иезуитами. К примеру, через пастора Грубера он неоднократно обращался к папе римскому с просьбой снять запрет с деятельности иезуитов, а в конце, 1800 г. даже предложил папе Пию VII убежище в России, если французские войска сделают невозможным его дальнейшее пребывание в Италии.⁶⁴

Павел был поглощён главной целью – осуществить союз императора-рыцаря с вселенской церковью, чтобы вернуть всему миру утраченную гармонию. В его идеях причудливо переплелись имперские амбиции, стремление к гегемонии в Европе, и в то же время попытка найти идеологическую альтернативу революционным идеям, сплотить вокруг неё все силы старого мира. Так что Павел собирался воевать с революцией не только с помощью пушек, как в известном анекдоте. Его идеологическая программа была гораздо сложнее и отличалась достаточной продуманностью.

Во *внутренней политике* Павлом проводилась идея *служения всех сословий независимо от происхождения «общему благу» и императорской власти*, которая в его представлении олицетворяла государство. Отсюда проводился и новый политический курс, согласно которому перед волей императора все сословия одинаково равны в соответствии с принципом: «в стране нет вторых – только первый – и все остальные».⁶⁵ Это дало повод шведскому послу Стедингу назвать Павла «уравнителем и санкюлотом, перед которым самая знатная особа и мужик абсолютно равны»⁶⁶, а А. И. Герцену – объявить павловский период «деспотическим и революционным одновременно».⁶⁷

Реализуя эти убеждения, Павел прибегал к антидворянским репрессиям в армии и в правительственном аппарате. Его деспотизм и необоснованные гонения способствовали возникновению заговора.

В то же время *по отношению к крестьянству* Павлом были предприняты, впервые в истории России, *попытки поднять правовой статус этого сословия*. Крепостные крестьяне впервые были допущены к присяге императору (ранее за них это делали помещики), а также получили определённые права по Манифесту от 5 апреля 1797 г. о «трёхдневной барщине». М. М. Сперанский назвал этот Манифест «замечательным документом, положившим начало целой системе улучшения крестьянского быта».⁶⁸

В социальной политике *по отношению к горожанам* стоит отметить «Постановление о коммерц-коллегии» от 13 ноября 1800 г., составленное по проекту М. М. Сперанского.

---

⁶³ Указ. соч. С. 79.

⁶⁴ Tiers A. Histoire du Consulate et l'Empire. Paris, 1845. VII;

⁶⁵ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901. С. 421–425.

⁶⁶ Stedingk. Op. cit. V. II. P. 262.

⁶⁷ Герцен А. Н. Собрание сочинений. М., 1956. Т. VII. С. 149.

⁶⁸ Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1957. С. 24, 309.

Из 23 членов коллегии 13 было предписано выбрать купцам из своей среды и вскоре кандидаты, представленные Петербургским и Московским городскими правлениями, были утверждены царём. Павел даже попросил представить ему их замечания по торговле. Купцы в ответ на это разразились восторженными тирадами о неслыханном милосердии императора, призывающего «класс людей, донныне от престола удалённый».⁶⁹

Допущение принципа выборности членов коммерц-коллегии из состава «неблагородного» сословия можно было бы считать первым шагом к признанию принципа представительства. Что это – очередное сумасбродство Павла или продуманный шаг? Нам кажется, что более верно последнее.

Также заставляет задуматься о существовании продуманной программы преобразований у Павла I и его *отношение к солдатам*. Так 29 апреля 1797 г. объявляется Манифест о прощении «отлучившимся нижним чинам и разного рода людям»; одновременно организуется военно-сиротский дом на 1000 мальчиков и 250 девочек, расширена сеть солдатских школ.

23 декабря 1800 г. издается указ, согласно которому солдаты, находившиеся на службе до вступления Павла I на престол, должны по окончании службы получить 15 десятин земли в Саратовской губернии и 100 рублей на обзаведение хозяйством, т. е. стать однодворцами.⁷⁰

Итак, внутренняя политика Павла I имела чётко выраженную *тенденцию к нивелировке правового статуса дворянства и третьего сословия*, причём если статус первого понижался, то второго – повышался. Но на деле получалось не «уравнение в правах и богатстве», а «уравнение в бесправии и нищете». К чему это привело – показали события марта 1801 года.

Новатором выступил Павел и во *внешней политике*. Он отказался от политики монархической солидарности в отношении Франции ради интересов России и практических соображений. В одном из писем Павел писал: «Безразлично, кто будет царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическим»⁷¹, а в инструкции тайному советнику Колычеву, направленному для переговоров с Наполеоном в Париж, он прямо советует «расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула, даже с престолонаследием семейства. Такое решение с его стороны я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правление и изменить революционные начала, вооружившие против неё всю Европу»⁷².

Наконец 18(30) декабря 1800 г. он отправляет Наполеону первое прямое послание: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правах, ни о принципах различных образцов правления, принятых каждой страной... Я готов выслушать и говорить с Вами...».⁷³

Таким образом, Павел первым из монархов в Европе сумел разобраться в сути происшедших перемен во Франции после 18 брюмера, первым разгадал истинные намерения Наполеона и в связи с этим решил кардинальным образом перестроить внешнеполитический курс. То, что первый консул на первых порах продолжал использовать революционную фразеологию, Павла не смущало. Суть новой Франции он видел ясно, поэтому и проводил новую по отношению к ней политику.

Итак, Павел I вместо прежней политики полного отрицания революционных перемен в Европе взял курс на *приспособление* к ним. Впоследствии эта политика активно применялась Александром I.

Как оценить феномен императора Павла I? Как увязать конституционные увлечения Павла-наследника и жёсткий авторитарный, близкий к тирании стиль управления Павла-императора? Версия о сумасшествии не выдерживает критики. Тогда что же сподвигло Павла так

⁶⁹ Постановления Коммерц-коллегии. // ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19554; Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916. С. 350–354; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 85–88.

⁷⁰ ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19696; Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 135.

⁷¹ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. М., 1962. С. 159–160.

⁷² Цит. по: Окунь С. Б. История СССР 1796–1825 гг. Л., 1947. С. 85.

⁷³ Tiers. Op. cit. VII. P. 437; Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 208–209.

резко изменить свои идеалы? Судя по всему, ключевым моментом в решении этого вопроса является *Французская революция*, лишняя раз показавшая верность рекомендаций идеологов Просвещения, считавших, что предотвратить революцию могут только достаточно радикальные реформы. Павел I попытался их провести, но при этом вызвал взрыв недовольства со стороны главной социальной опоры самодержавного режима – дворянства.

Одно высказывание дипломата Я. И. Санглена проливает свет на то обстоятельство, которое погубило Павла. Вот что он писал: «Павел хотел сильнее укрепить самодержавие, но своими действиями лишь подкапывал под оное, отправляя в ссылку в одной кибитке генерала, купца, унтер-офицера и фельдъегеря, он научил нас и народ слишком рано, что различие сословий ничтожно. Это был чистый подкоп, ибо без этого различия самодержавие держаться не может. Он нам дан был или слишком рано, или слишком поздно...».⁷⁴

И действительно, печальный парадокс заключается в том, что те начинания, которые должны были предупредить дворцовый переворот, привели к нему, а тот, для которого борьба с революцией была основным содержанием внешней и внутренней политики, был убит во имя спасения страны от хаоса и возмущения низов.

Если в целом оценивать внутреннюю политику Павла I, то на наш взгляд, несмотря на её крайнюю противоречивость и неоднозначность, в ней прослеживается определенная система, напоминающая политику *Иосифа II в Австрии*. Мы видим то же стремление к сверхцентрализации управления, к личному, и притом, активному вмешательству во все сферы жизни; попытку выйти из-под опеки дворянства и играть роль своеобразного «народного императора», обеспечивающего «блаженство всех и каждого», почти одинаковое отношение к крестьянам как главной производительной силе страны и т. д. Правда, Павел I не сделал почти никаких шагов в сторону отмены крепостного права. Но, во-первых, уж слишком специфичны были условия России, и, во-вторых, впервые в российской истории монарх открыто вмешался во взаимоотношения крестьян и помещиков, причём отнюдь не в пользу последних. Всё это позволяет считать внутривластный курс Павла I одной из модификаций «просвещенного деспотизма», впервые разработанного и применённого на практике Иосифом II в Австрии.

Наконец, следует отметить, что политика Павла I, представлявшая собой своеобразное консервативное соединение деспотизма и вывернутого наизнанку рабского уравнивания, привела на деле к резкому осознанию дворянством своих прав, на которые посягнул император, а это привело в свою очередь к новому всплеску «верховнических» настроений, выразившихся в конституционных проектах руководителей антипавловского заговора. Интриги и заговоры против Павла I начали плестись практически сразу после его вступления на престол и не прекращались до конца его царствования, благо поводов для этого было предостаточно. В них участвовали и наследник престола Александр Павлович с «молодыми друзьями», и почти вся екатерининская аристократия, отодвинутая на второй план выдвиженцами Павла, и множество гвардейских офицеров, недовольных ущемлением своих прав. Однако главный заговор, приведший, в конце концов, к свержению Павла, сложился окончательно лишь весной 1800 г. Во главе его стояли граф *Никита Петрович Панин* – племянник Никиты Ивановича Панина – бывший посланник в Берлине, а с 1799 г. вице-президент Иностранной коллегии, *О. А. Жеребцова* – сестра Платона Зубова, адмирал *Иосиф де Рибас* и граф *П. А. Пален* – петербургский военный губернатор.⁷⁵ Судя по всему, первоначально руководителем заговора был Н. П. Панин. На первый взгляд, это более чем удивительно. Ведь его дядя Н. И. Панин был воспитателем Павла I, души в нём не чаявшим. Отец Н. П. Панина П. И. Панин в противостоянии Екатерины и Павла всегда был на стороне последнего и, похоже, искренне его любил. Свои чувства он пытался передать и сыну. В одном из писем к нему в действующую армию в Финляндии

---

⁷⁴ Санглен Я. И. Записки. // Русская старина. 1882 Т. XII. С. 501.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Д. № 2863. Л. 3–4 (Воспоминания неизвестного лица о заговоре против Павла I).

(во время войны со Швецией), датированному 17 августа 1788 г. (до смерти П. И. Панина оставалось меньше года), он просит передать «его Высочеству», выехавшему на театр боевых действий, восхищение его поступком, что он очень беспокоится за него и, если бы не был болен, сам поехал бы на войну. Утешает его только то, что «кровь сына моего перед очами его Высочества».⁷⁶ Из этих строк видно, что П. И. Панин относился к Павлу, как к очень близкому человеку, с неподдельной теплотой. Естественен вопрос, почему Н. П. Панин изменил семейной традиции и стал противником Павла? В беседах со своими родственниками в начале XIX в., находясь в ссылке в своём имении в Дугино, Н. П. Панин упоминал, как минимум, о *двух причинах ухудшения отношений с Павлом*. Первая относится еще к 1791 г., когда 21-летний Н. П. Панин стал исполнять обязанности камер-юнкера при Дворе цесаревича. Как раз в это время произошла размолвка Павла с его женой Марией Фёдоровной. Н. П. Панин, видимо, обладавший прямым характером и находившийся в дружеских отношениях с великокняжеской четой, счёл своим долгом вмешаться, причём на стороне Марии Фёдоровны. Павел вспылил и отправил его в отставку. Екатерина II, не преминувшая лишний раз задеть самолюбие Павла, тут же назначила Панина церемониймейстером своего Двора. В ответ Павел совершил откровенно оскорбительный поступок по отношению к сестре Панина Софье Петровне Тутолминой, приказав выдворить её с бала, так как её якобы не было в списках приглашённых.⁷⁷ Вскоре Панин перешел с придворной службы на государственную, был назначен в 1795 г. послом в Голландию, а затем литовским губернатором в чине генерал-майора. С Павлом он почти два года не виделся, и казалось, отношения между ними разорваны раз и навсегда. Тем удивительнее стремительное возвышение Н. П. Панина в 1797–1799 гг. Вначале он был назначен на важный пост посланника в Берлине, а затем отозван в Россию, где получил должность вице-канцлера и фактически возглавил внешнюю политику страны. Видимо, импульсивный Павел забыл прежние обиды. К тому же он нуждался в талантливых чиновниках, которые могли бы заменить на ключевых постах «екатерининских стариков», тем более что Н. П. Панин обладал необходимой квалификацией, что отмечали даже его недоброжелатели. Наверное, сыграла свою роль и благодарность к фамилии Паниных в целом, и такая черта характера Павла как рыцарственность. Павел считал себя прямым и откровенным человеком и ценил это качество в других.

Однако в конце 1800 г. происходит новая ссора с императором, в результате чего Панин попадает в опалу, снимается со всех постов и отправляется в ссылку в подмосковное село Михалково фактически под домашний арест. Причину своей второй отставки Панин объяснял впоследствии двояко. С одной стороны, это *интриги графа Ф. Ростопчина*, претендовавшего на руководство российской внешней политикой и стремившегося к единоличному влиянию на Павла I. С другой стороны, Панин якобы узнал о готовящемся рескрипте о разводе императора с Марией Фёдоровной, что и решило исход дела (Марии Фёдоровне Панин всегда симпатизировал). К тому же, недоверчивость и непоследовательность Павла вели к полному хаосу в делах государственного управления.⁷⁸ Как видим, опять упоминается Мария Фёдоровна. Со слов Н. П. Панина получается, что он оба раза пострадал, защищая её интересы. На самом деле такое объяснение выглядит маловероятным. Ведь после дворцового переворота и убийства Павла I Н. П. Панин был восстановлен Александром I в должности вице-канцлера, выполнял для него ряд щекотливых поручений, в частности о выяснении реальной подоплеки слухов о желании Марии Фёдоровны организовать совместно с Зубовыми новый дворцовый переворот в свою пользу. Однако вскоре Н. П. Панин был третий раз отправлен в отставку с запрещением проживать в столицах, и на этот раз окончательно. Мария Фёдоровна не сделала

---

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 42.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 123–125.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 404–406.

ровным счетом ничего, чтобы помочь Панину. Мало того, есть все основания предполагать, что Александр I поступил так с Паниным под её прямым нажимом.⁷⁹ Внучка Н. П. Панина в своих мемуарах пишет, что «Александр I старался всеми силами мстить дедушке», например, не утвердил его главой Смоленского ополчения в декабре 1806 г., несмотря на то, что Панин был избран на эту должность единогласно дворянством Смоленской губернии. Подобное решение было равносильно публичному оскорблению.⁸⁰ В чём же причина столь резкого изменения отношения Александра I к Панину, столь длительной неприязни к нему? Сам Н. П. Панин впоследствии рассказывал своему сыну В. Н. Панину, будущему министру внутренних дел при Александре II, что после одной из конспиративных встреч с Александром Павловичем в коридорах Зимнего дворца, он заметил крадущегося за ним человека в длинном плаще с капюшоном, скрывавшим его лицо. Панин принял его за шпиона, выхватил шпагу и бросился навстречу. Каково же было его удивление, когда в предполагавшемся «шпионе» он узнал Александра! По мнению Панина, мнительный Александр решил на всякий случай проследить, не ведёт ли Панин двойную игру, не является ли провокатором? По версии Панина, он страшно напугал Александра, и с этого момента тот его возненавидел, так как Панин стал свидетелем его трусости.⁸¹ Скорее же всего, Александр I не мог простить Панину самого факта вовлечения его в заговор против отца. Очевидцы событий утверждали, что именно Панин убедил наследника участвовать в заговоре, уверив его, что речь идет только о введении регентства, ссылаясь на примеры Англии при Георге III и Дании при Христиане XII.⁸² Видимо, Александр считал, что Панин его обманул, пообещав сохранить жизнь Павлу I, и тем самым, прикрепил к нему несмываемое клеймо отцеубийцы. И не важно было, что в момент осуществления переворота Панина давно уже не было в столице. В глазах Александра именно Панин был идейным вдохновителем и главным организатором заговора против отца, значит, именно он виновен в муках его совести и именно он должен понести наибольшее наказание. Этими же психологическими причинами объясняется, на наш взгляд, и отношение Александра I к Ростопчину и Аракчеву. Они не участвовали в заговоре, а значит, уже только за это заслуживали особой благодарности. Наверное, это была своеобразная психологическая компенсация: возвысить и облагодетельствовать людей, проявивших верность погибшему отцу, означало хоть как-то смягчить муки собственной совести.

Вернёмся, однако, к событиям 1800–1801 гг. В планах заговорщиков можно выделить *два главных положения*:

а) во-первых, устранение с престола Павла I (на этом сходились все);

б) во-вторых, и Панин, и Пален, считали ситуацию удобной для введения Конституции, ограничившей бы самодержавие, которое, по их мнению, в своём произволе и беззаконии перешло все мыслимые границы. Но здесь были расхождения в методах реализации этого плана.

Панин видел способ в регентстве, т. к. считал, что арестованный, но живой Павел дал бы лучший повод для Хартии, т. е. ограничения самодержавия регентским Советом, тогда как убийство Павла приведёт к замене его «хорошим» царём, и оттого «не нуждающимся» в конституционном ограничении.

Пален же выступал за физическое устранение Павла I, затем предполагалось навязать растерянному и неопытному Александру конституционный акт.⁸³

Что из себя конкретно представляли конституционные замыслы заговорщиков? Центральное место в планах заговорщиков занимал *Сенат*. По свидетельству генерала Бенниг-

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 511–512.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2889. Л. 674–675, 723–732, 1012–1013 (об.).

⁸¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2817(а) (Записки об отношении Н. П. Панина к заговору против Павла I). Л. 9.

⁸² Чулков Г. И. Императоры. М., 1991. С. 48.

⁸³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. № 2863. Л. 4.

сена, именно этот орган должен был избрать Регентский Совет и фактически управлять всеми делами государства.⁸⁴ О том же пишет в своих мемуарах М. А. Фонвизин: «Панин и Пален хотели заставить Александра в первую минуту утвердить конституционный акт своей подписью, при этом видимо был использован проект дяди Панина: политические права одному дворянству, выборность Сената и местных учреждений».⁸⁵ Присутствие в рядах заговорщиков Панина-младшего вроде бы подтверждает эту преемственность.

Интересные свидетельства об авторстве конституционного проекта дает А. С. Пушкин со слов И. И. Дмитриева – современника заговора: «План конституции и заговора начертан де Рибасом и Паниным, но первый затем отстал, раскаясь и, будучи осыпан милостями Павла».⁸⁶ К тому же де Рибас видимо решился вообще раскрыть все планы заговорщиков Павлу и поэтому, как считал Пушкин, был, скорее всего, отравлен своими же коллегами.⁸⁷

Граф А. Коцебу, по рассказу Клингера, сообщает, что «граф Пален, без сомнения, имел благотворное намерение ввести умеренную конституцию, то же намерение имел и князь Зубов, делавший некоторые намёки, которые не могут быть иначе истолкованы, и брал у генерала Клингера «Английскую Конституцию» Делальма для прочтения».⁸⁸

Сложно сказать, была ли «конституция Панина-Палена-Зубова» повторением панинского проекта, но общее в них то, что ограничение абсолютизма связывается с Сенатом.

Знал ли Александр о конституционных замыслах заговорщиков? Несмотря на все его попытки показать свою непричастность к заговору против отца, существует несколько подтверждений осведомлённости Александра. Во-первых, С. А. Тучков, познакомившийся в 1807 г. в Смоленске с Н. П. Паниным, вспоминал, что тот сообщил ему в конфиденциальной беседе, будто «Александр дал ему честное слово, что коль скоро вступит на престол, то непременно подпишет сию Конституцию...».⁸⁹ Примерно о том же сообщает и И. Головин: «Пален добился у великого князя согласия навести справки, каким образом отречение производилось в других странах и каковы могут быть полномочия Регентского Совета».⁹⁰

Итак, по всей видимости, Александр знал о намерениях заговорщиков и даже одобрял их. Другое дело, искренне ли он это делал или был вынужден пойти на это под гнетом непреодолимых обстоятельств? Нам думается, что скорее верно последнее. Ведь как любой абсолютный государь, став таковым, Александр вряд ли желал поступиться своей властью. Но ведь к власти-то его привели заговорщики, и он был обязан выполнить свои обязательства перед ними. Эта-то дилемма и стала определяющей линией во внутренней политике в первый год его царствования.

Однако из этой ситуации был довольно простой выход – Александр мог просто повторить историю с «кондициями» Анны Иоанновны и, опираясь на гвардию, не подписывать ничего, благо прецедент такой уже был. Тем более тот же М. А. Фонвизин сообщает, что командир семёновцев Талызин, когда ему стало известно о намерениях Палена, Панина и их компании заставить Александра подписать конституционный акт, сообщил об этом наследнику и просил ни под каким видом не подписывать документа. В крайнем случае, гвардия, на которую Талызин имел значительное влияние, сохранит верность Александру.⁹¹ Но в этом случае наследнику грозила уже полная зависимость от гвардии и её руководителей. Такое положение Александра также не устраивало.

---

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Д. № 2863. Л. 4–5.

⁸⁵ Фонвизин М. А. Политическая жизнь в России. // Библиотека декабристов. СПб., 1907. Вып. IV С. 30–45.

⁸⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., 1948. Т. XII. С. 161.

⁸⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., 1948. Т. XII. С. 162.

⁸⁸ Коцебу А. Записки. // Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 349.

⁸⁹ Тучков С. А. Записки. СПб., 1908. С. 270–271.

⁹⁰ Головин И. Записки. Лейпциг, 1859. С. 254; Цит. по: Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 194.

⁹¹ Фонвизин М. А. Указ. соч. С. 49.

В этой ситуации Александр избрал *промежуточную позицию*. Он отказался подписывать аристократический конституционный акт, ссылаясь на возможное недовольство в гвардии, но и не воспользовался силами последней для устранения заговорщиков.

Итак, обзор развития идей конституционализма в России в XVIII веке показал, что впервые они появляются в связи с западнеческими реформами Петра I, хотя имеют национальные корни и традиции. Первое открытое их проявление в России – это «кондиции верховников» 1730 г. Как и в Западной Европе, эти идеи на первых порах имели чисто аристократический характер, чем во многом и объясняется провал первой попытки их воплощения в жизнь. Начиная с правления Екатерины II, конституционные идеи начинают смыкаться с идеологией Просвещения и вскоре становятся одной из её составных частей. С этого момента идеи конституционализма всё более теряют свой, поначалу, чисто аристократический дух и постепенно становятся дворянско-буржуазными по своей объективной направленности, так же как и идеи Просвещения, составной частью которых они являлись. Проект Н. И. Панина – лучшее тому подтверждение.

Примечательно, что практически все попытки ограничения самодержавия приходится на периоды междоцарствий – это становится своеобразной закономерностью российской истории.⁹² Исходя из этого, понятно, что и Александр I, вступив на престол, был вправе ожидать нечто подобное.

---

⁹² Подробнее об этой проблеме см. статью: Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6.

§ 3. Правительственный конституционализм в 1-й четверти XIX в. в контексте эволюции российского абсолютизма

На конституционное движение начала XIX века помимо объективного хода исторического развития влияли в большой степени и личностные качества молодого императора, а также его отношение к проблеме Конституции.

Политические взгляды Александра I вряд ли можно считать полностью сложившимися на момент прихода к власти, но общие принципы управления государством у него безусловно сформировались.

Будущий император воспитывался в духе Просвещения и либерализма, модных тогда в Европе. Его главным воспитателем был *Франц Цезарь Лагарп* – известный в Европе сторонник учения об «истинной монархии», и впоследствии ставший одним из руководителей Гельветической республики в Швейцарских кантонах. Естественно, Лагарп не преминул воспользоваться своим положением, чтобы привить наследнику этико-нравственные идеалы Просвещения, согласно которым все люди от природы равны и свободны, а рабство недопустимо в любой форме. Александр хорошо усвоил главный принцип «истинной монархии»: закон всегда выше монарха. Сохранилось множество свидетельств, подтверждающих приверженность Александра этим идеалам. Так при первой встрече с Адамом Чарторижским Александр в порыве откровенности признался, что «не поддерживает политику своей бабки в отношении Польши, сочувствует польским повстанцам, ненавидит деспотизм в любых проявлениях, любит свободу, которая, по его мнению, должна принадлежать всем людям, сочувствует Французской революции и желает ей успеха».⁹³ Возможно, Александр говорил это только ради красивого словца, но и возможно, что в то время он действительно так думал.

В своём дневнике Александр не раз писал о Конституции. Главной своей целью он считал «привести народ от деспотического государства к государству, наслаждающемуся свободной Конституцией».⁹⁴ Затем, когда «свобода станет достоянием страны», Александр предпочёл бы уйти на покой, чтобы спокойно пожить где-нибудь на берегах Рейна, занимаясь изучением природы, «предоставив иным продолжить начатое им дело».⁹⁵ Не раз признавался Александр, что считает лучшей формой правления республику, когда глава государства выбирается всей нацией из числа самых достойных.⁹⁶ Было ли это прекрасноречивой фразой молодого императора или вполне сознательной позицией политического деятеля, нельзя сказать с полной уверенностью. Но надо иметь в виду, что это писалось в дневнике или говорилось в конфиденциальных беседах, поэтому заподозрить Александра в лицемерии едва ли возможно. Это были его сокровенные мысли, его истинные убеждения в то время. Хотя, конечно, нельзя не учитывать тщеславное стремление нового императора приобрести славу просвещённого и гуманного монарха. Его не могло не тревожить, что в глазах цивилизованной Европы он выглядит азиатским деспотом и государство его остаётся страной рабов.

В обширной литературе, посвящённой Александру I, часто прослеживается мысль, что Лагарп дал ему лишь самые общие представления о будущем государственном устройстве «истинной монархии», не успев, из-за ранней женитьбы Александра, рассказать ему о конкретных путях реализации этой идеи. Поэтому у Александра не было, якобы, никакого конкретного

---

⁹³ Чарторижский А. Мемуары... СПб., 1912. Т. I. С. 34–35.

⁹⁴ Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича. // РГАДА. Оп. 1. Ф. 10. Д. № 700. Л. 1–6.

⁹⁵ Чулков Г. И. Императоры: психологические портреты. М., 1991. С. 69–70.

⁹⁶ Указ. соч. С. 71.

плана преобразований, что он был либо лицемером, либо идеалистом, далёким от реальной жизни.⁹⁷

Но есть основания думать, что это не совсем так. У Александра существовал свой план преобразований. Доказывает это *дневниковая тетрадь Александра* с записями, датированными между 12 июня 1798 г. и 1 ноября 1800 г.⁹⁸ Из них мы узнаём об уже известных нам конституционных взглядах Александра, а также о наличии у наследника программы постепенной отмены крепостного права. Для этого он считал нужным:

а) издать указ о запрете продажи крестьян без земли;

б) разрешить любому желающему приобретать даже заселенные земли, но с тем условием, чтобы крестьяне на этой земле получили личную свободу и в любой момент могли переселиться, получив паспорт;

в) правительство должно подать пример, освободив казённых и удельных крестьян; тогда дворянская честь не позволит поступить иначе; постепенно всякий крепостной получит за выкуп свободу и может стать «вольным собственником».⁹⁹

С трудом верится, что столь радикальную для того времени программу написал сам наследник престола. Причём Александр не просто рассуждал о столь высоких материях, но и твёрдо решил реализовать эти идеи на практике. Однако, ему пришлось столкнуться с суровой действительностью. Не имевший никакого опыта управления, Александр сразу после вступления на престол оказался втянутым в водоворот придворных интриг, борьбы разных политических группировок. Чтобы не оказаться игрушкой в руках этих сил, Александру приходилось применять всю свою изворотливость, весь свой незаурядный ум, все свои способности. А обстановка после 11 марта 1801 г. действительно была крайне сложной.

После переворота 11 марта 1801 г. Александр I оказался в окружении лиц, которые тем или иным образом пытались ограничить его власть.

Сразу после переворота образовалось *две политические группировки* при Дворе: так называемые «*екатерининские старики*» (П. Д. Трошинский, братья А. Р. и С. Р. Воронцовы, Г. Р. Державин и другие), выступавшие за возврат к временам Екатерины II, ратовавшие за восстановление дворянских привилегий и за ограничение самодержавной власти Сенатом в духе верховнических устремлений; а также так называемые «*заговорщики*», то есть участники дворцового переворота против Павла I (братья Зубовы, П. А. Пален и другие), ратовавшие за введение представительного правления, но вместе с тем согласные идти на определенные социальные реформы.

Первые группировались вокруг Сената, вторые – вокруг образованного 25 марта 1801 г. Непременного Совета. Обе группировки, желая ограничения самодержавия, основные надежды возлагали на Сенат, видя в нём готовый ограничительный институт. Как будто то же самое входило и в намерения Александра I. Но это лишь казалось. На деле же намерения сенаторов с «заговорщиками» и планы Александра резко расходились. Да, видимо, Александр не имел ничего против создания Конституции и законосовещательного учреждения, которое бы контролировало соблюдение самодержавием фундаментальных законов. И начало его правления – лучшее тому подтверждение. Уже в марте 1801 г. Александр восстановил отменённые Павлом Жалованные грамоты дворянству и городам, дворянские выборные органы самоуправления, освободил дворян от телесных наказаний, вернул из ссылки до 12 тыс. опальных чиновников и военных, уничтожил Тайную экспедицию и т. д. Наконец, 25 марта, Александр подписал уже упоминавшийся указ о создании *Непременного т. е. Постоянного Совета* в качестве

---

⁹⁷ Указ. соч. С. 61–75.

⁹⁸ Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича. // РГАДА. Оп. 1. Ф. 10. Д. № 700. Л. 1–6; См. также: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 62.

⁹⁹ РГАДА. Оп. 1. Ф. 10. Д. № 700. Л. 5–6.

совещательного органа при императоре. Эта мера рассматривалась всеми как первый шаг на пути к представительству. 5 июня 1801 г. появляется в ответ на настояния сенаторов указ, согласно которому Александр обещал восстановить старые права Сената и предложил Сенату высказаться, почему, по его мнению, он потерял свои права и что предлагается к их восстановлению.¹⁰⁰

В исторической литературе принято считать, что на эти меры император был вынужден пойти помимо своей воли, под давлением оппозиционно настроенных сановных кругов.¹⁰¹ Приведённые выше свидетельства показывают, что при всём давлении сановной оппозиции Александр шёл на эти меры вполне самостоятельно и сознательно в полном соответствии со своей программой.

Другое дело, что для молодого императора, учитывая его записи в дневнике, введение представительства было лишь *первым этапом реформ*. Далее, по его замыслам, должны были последовать реформы социальные и, прежде всего, направленные на постепенное смягчение крепостного права. И вот тут-то и начинались настоящие противоречия.

В мае 1801 г., т. е. уже через два месяца после вступления на престол, Александр попытался приступить к реализации своей программы по крестьянскому вопросу. Начал Александр с того, что решил покончить с самой позорной и рабовладельческой формой крепостничества – *продажей крестьян без земли*. Необходимость этой меры, считал он, должна быть понятна любому здравомыслящему человеку. Но предварительно эта мера должна была обсуждаться в Непременном Совете.

16 мая 1801 г. проект указа о запрете продажи крестьян без земли был представлен в Непременный Совет и большинством голосов провален.¹⁰²

Причины нежелания Непременного Совета идти на уступки заключались в том, что он на 2/3 состоял из вчерашних заговорщиков, опасавшихся раздражать дворянство, которое и так не одобряло тот способ, с помощью которого Александр был возведён на престол, а руководители заговора оказались в одном из высших государственных органов.

Итак, Непременный Совет указа не одобрил, Александру пришлось *пересматривать свои дальнейшие планы*, причём, пересматривать кардинально. Конечно, император мог либо, сменив состав Совета, попытаться вновь предложить утвердить указ о запрете продажи крестьян без земли, либо принять его в обход Совета, либо вообще отказаться от своего замысла.

Однако положение молодого императора еще не было столь прочным, чтобы убрать тех лиц, которые привели его к власти. С другой стороны, император мог бы принять указ и в обход Совета, но это было бы нежелательным прецедентом, противоречащим взятому курсу. Однако и смириться с отказом от преобразований в крестьянском вопросе он тоже не хотел.

Александр принял другое, поистине соломоново решение. 28 мая 1801 г. он издал именной рескрипт Академии наук, в ведении которой находилась печать, не публиковать объявления о продаже крестьян без земли.¹⁰³ На тот момент это было действительно разумное и реальное решение. Но оно не было законодательно закреплено, а значит, и не соответствовало тому, чего желал император, и не имело реальной силы.

После этого инцидента перед Александром встала сложная проблема. Если раньше он предполагал опереться в проведении реформ, судя по всему, на Непременный Совет и Сенат, то теперь это было невозможно. Планы Александра, построенные на столь зыбком основании, как вера в морально-этические достоинства дворянства, уверенности в том, что оно поддержит преобразования в силу их разумности, рушились. Александр понял, что сановная ари-

---

¹⁰⁰ ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19906; Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 65–68; 115–116.

¹⁰¹ Сафонов М. М. Указ. соч. С. 68–75; 121–122.

¹⁰² Сафонов М. М. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁰³ ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19892.

стократия, обосновавшаяся в Сенате и Совете, в большинстве своем желает лишь ограничить самодержавие в своих корыстных эгоистических интересах; на дальнейшие же социальные реформы, и прежде всего, в крестьянском вопросе, она не пойдет никогда.

Судя по всему, Александр был не прочь создать представительное учреждение, которое бы осуществляло контроль за исполнением законов. Но теперь император ясно понял, что этого не случится. Сановная аристократия, получив законодательную власть, *не допустила бы проведения ни одной реформы, которая бы затрагивала корпоративные интересы дворянства и её собственные*. Получалось, что в данной обстановке введение представительства означало бы конец всяким реформам.

Перед Александром встал вопрос, на кого, кроме сановной оппозиции, можно опереться в проведении реформ? Интересно, что 16 октября 1801 г., т. е. через месяц после коронации, когда все бурные события, связанные с ней, остались уже позади, бывший воспитатель и кумир Александра Лагарп подаёт ему секретную докладную записку с размышлениями «на счёт предотвращения на будущее ошибок предшествующего царствования и доктрин, проповедуемых на юге Европы».¹⁰⁴

Среди прочего Лагарп анализирует возможности проведения реформ в России и даёт разбор сил, которые будут «за» и «против» реформ:

а) «против» – все высшие классы: почти всё дворянство, чиновничество, которое держится на «табели о рангах», большая часть торгового слоя, «почти все люди в зрелом возрасте», «почти все иностранцы» и те, кто «боится французского примера»;

б) «за» – образованное меньшинство дворян, некоторая часть буржуа, «несколько литераторов», возможно «некоторые офицеры и солдаты».¹⁰⁵

Силы не равны, но личный авторитет императора, по мнению Лагарпа, перевесит противников.

Итак, Лагарп предлагает императору те же рецепты и выводы, к которым Александр уже пришел самостоятельно в мае – июне 1801 г. Заключались они в том, что в силу вышеизложенных причин ни Сенат, ни Непременный Совет для этих целей не подходили, наоборот, приходилось их даже опасаться. Конечно, у императора были на примете несколько лиц из Сената и Совета (А. Р. Воронцов, Платон Зубов, П. Д. Трошинский), которые шли дальше остальных сановников и даже были согласны на умеренные преобразования в социальной сфере. Но мнения этих людей не были решающими ни в Сенате, ни в Совете, да и полностью положиться на них Александр опасался.

Для разработки проектов реформ требовались другие лица, желательно далёкие от политической борьбы при Дворе, не связанные ни с одной из правительственных группировок. И такие люди нашлись. Еще будучи наследником, он летом 1792 г. познакомился с *В. П. Кочубеем*, в начале 1795 г. с *П. А. Строгановым* и *Н. Н. Новосильцевым* и в апреле 1797 г. с *Адамом Чарторижским*. Целью этих знакомств, инициатива которых принадлежала Александру, было по образному выражению Чарторижского, «заполнение умственной пустоты, которая образовалась вокруг молодого цесаревича после отъезда Лагарпа».¹⁰⁶

И действительно, и Александр, и «молодым друзьям», как они себя называли, была присуща общность взглядов по жизненно важным вопросам: все они ненавидели деспотизм, все желали перемен в общественном и государственном строе России. Поэтому их сближение было вполне естественно. Итак, что же представляли собой эти люди, игравшие большую роль в разработке реформ первых лет александровского царствования.

---

¹⁰⁴ Берти Дж. Россия и итальянские государства в эпоху Рисорджименто. М., 1954. С. 694;

¹⁰⁵ Берти Дж. Россия и итальянские государства в эпоху Рисорджименто. М., 1954. С. 694–695.

¹⁰⁶ Чарторижский А. Мемуары... Т. I. С. 84–85.

а) **Павел Александрович Строганов (1772–1817)** – по общему мнению был «внутренним двигателем, самым активным и пылким из «молодых друзей». ¹⁰⁷ Родился он 7 июня 1772 г. По происхождению он принадлежал к знатнейшим лицам Российской империи. Его отец являлся камергером при Дворе и одним из богатейших людей империи. В 1782 г. Строганов-отец был назначен послом во Францию и Павел Строганов провел почти все детство и юность в Париже. Его отец слыл поклонником Вольтера, а потому постарался дать сыну лучшее образование, какое только было возможно. Воспитателем его стал поклонник Руссо Жильбер Ромм, будущий якобинец-монтаньяр. Именно Ромму суждено было сыграть решающую роль в формировании характера и убеждений юного графа. Под влиянием Ромма Строганов становится убежденным сторонником принципов Просвещения, ярким противником деспотизма и тирании в любых формах. Помимо чисто политических убеждений Строганов получил и блестящее общее образование, научился литературно оформлять свои мысли, что пригодилось ему впоследствии.

Подготовленный таким образом, Павел Строганов с восторгом встретил Французскую революцию, а летом 1790 г. под именем Павла Очера (по названию реки в уральском имении) вступает в Якобинский клуб. Это окончательно переполнило чашу терпения Екатерины II, и она приказала Строганову-отцу немедленно принять меры и возвратить сына в Россию.

По приезде в Петербург, Строганов был отправлен в ссылку в родовое подмосковное имение Братцево «поостыть». Там он и пробыл до конца 1796 г. После смерти Екатерины II он получил разрешение вернуться в столицу, где вскоре познакомился с Александром. Цесаревич был восхищён романтической биографией и республиканскими настроениями Строганова, хотя взгляды последнего стали к этому времени гораздо более умеренными. Они быстро нашли точки соприкосновения по интересующим вопросам, началось их сотрудничество.

В 1797–1799 гг. Строганов участвовал в работе кружка «молодых друзей», в 1801 г. во многом по его инициативе создается Негласный Комитет, в котором Строганов стал играть одну из ведущих ролей. Он вел протоколы заседаний Негласного Комитета и был одним из самых радикальных его участников. В 1802–1807 гг. параллельно с работой в Негласном Комитете (который действовал до 1803 г., а по некоторым данным и до 1805 г.) Строганов занимал пост товарища министра внутренних дел, выполнял ряд конфиденциальных поручений в Лондоне и Берлине во время войны с Наполеоном по созданию 4-ой коалиции. Но дальнейшая карьера у Строганова не сложилась. Видя, что практически ни одна из задуманных реформ не воплощена в жизнь, Строганов впал в пессимизм, окончательно разочаровался в Александре I и в 1807 г. ушел в отставку. В большую политику он более не возвращался, хотя и участвовал в чине генерал-адъютанта в войнах 1812–1814 гг. В 1817 г. П. А. Строганов скоропостижно скончался от чахотки.

б) Не менее романтическую биографию имел и князь **Адам Чарторижский (1770–1861)**. Родился он в 1770 г. в семье знатных польских аристократов, потомков легендарного Гедемина. Князь Чарторижский, как наследник знатной фамилии, получил великолепное образование в духе идеалов Просвещения и великопольского патриотизма. В 1789–1791 гг. Чарторижский находился в Англии, изучая право и английский конституционный строй. После возвращения на Родину молодой князь с головой окунулся в политику, а в 1792–1793 гг. активно участвует в боевых действиях против оккупационных войск Пруссии и России. После окончания оккупации и раздела страны Чарторижский эмигрирует в Вену. После переговоров с Екатериной II Чарторижскому с братом пришлось выехать в Петербург в обмен на снятие секвестра с фамильных владений. В Петербурге Чарторижский познакомился с молодым цесаревичем, который был очарован мужеством, и искренностью князя. К чести Чарторижского, он не скрывал своих убеждений, неоднократно заявляя, что главной целью жизни видит восста-

---

¹⁰⁷ Чарторижский А. Мемуары... Т. I. С. 8.

новление польского конституционного государства, а свою деятельность в России рассматривает как способ достижения этой цели.

В 1797–1799 гг. он – участник кружка «молодых друзей», а затем после опалы Павла I – посланник в Сардинии. С 1801 г. – член Негласного Комитета и одновременно в 1802–1804 гг. занимает пост товарища министра иностранных дел, а в 1804 г. получает портфель министра. После Тильзитского мира 1807 г. уходит в отставку и политикой почти не занимается. В 1815 г. во многом благодаря его стараниям Польша получает Конституцию, но ожидаемый пост наместника Чарторижский не получил. В результате этого он порывает с Александром I. Если раньше Чарторижский старался выступать в роли посредника между польской нацией и русским престолом, то теперь он становится вдохновителем и организатором антирусского сепаратистского движения. В 1830–1831 гг. он – один из руководителей антирусского восстания, глава национального правительства и Сената. После разгрома восстания он эмигрировал сначала в Лондон, а позже переехал в Париж, где продолжал руководить эмигрантским движением, и даже был избран эмигрантами «польским королем». В 1861 г. в разгар подготовки очередного польского восстания Чарторижский скончался.

в) **Николай Николаевич Новосильцев (1762–1836)**, третий участник «Негласного Комитета» родился в 1762 г. в далеко не самой знатной дворянской семье. Павлу Строганову он приходился двоюродным братом, что и предопределило его дальнейшую судьбу. Пока Строганов находился в Париже, Новосильцев фактически стал вторым сыном для престарелых родителей Строганова, а также доверенным лицом в семье. Недаром, именно ему была поручена деликатная миссия по возвращению Павла Строганова из Франции в 1790 г. С этой миссией он справился блестяще, к тому же в пути он подружился со своим кузеном на почве общих убеждений. Излишне говорить, что Новосильцев так же, как и Строганов, получил блестящее образование в духе Просвещения, был хорошо осведомлен в юридических науках.

В 1792–1795 гг. Новосильцев служил в армии и участвовал в польских событиях. В 1796 г. он уходит в отставку, и вскоре вместе со Строгановым знакомится с Чарторижским и Александром. Новосильцев выступил одним из инициаторов создания тайного кружка «молодых друзей» будущего императора, написав нечто вроде его Устава на основе произведений французских просветителей. По отзыву самого Александра Новосильцев произвел на него благоприятное впечатление своим умом, образованностью, умением изящно и точно излагать свои и чужие мысли (примерно такие же слова Александр говорил впоследствии о М. М. Сперанском).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.